

Надежда ПТУШКИНА

Приходи и уводи

Комедия в двух действиях

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

Действующие лица :

Анна Ивановна
Вера
Евгений (Женя)
Эмма
Люба
Старик
Кеша
Лебедева

Действие первое

Квартира. Точнее, жилплощадь. Стандартная.

А именно: от входной двери узкий короткий коридор (аппендикс), ведущий в кухню (умещаются ещё две двери - в уборную и ванную) и нечто при входной двери, совсем уж "смотровая площадка", откуда также две двери - в большую комнату и комнату поменьше. Изолированная маленькая комната временно нежилая; туда явно составлена мебель со всей квартиры. А из большой комнаты ещё дверь в смежную комнату поменьше. В меньшей смежной комнате - балкон.

В квартире разорение и разгром, словно в военное время.

В коридоре только зеркало и вешалка, да и те пристроены кое-как. Обои содраны, кое-где угнетающе болтаются скрученными клочьями. На полу - тряпки, бумага, грязные банки с торчащими из них кистями и какими-то палками, обмотанными на концах тряпками или ватой.

Но в самом худшем состоянии большая комната. Тут следы недавнего пожара. Угол возле окна выгорел весь. Лампочка оголена. У стены - криво скатанный ковёр. Окно без штор. Телефонный аппарат прямо на полу. Из мебели - только старомодная кровать с шариками, нелепо громоздящаяся посреди комнаты. Возле кровати низкий журнальный столик и два стула, прикрытые кусками обоев.

Зато смежная комната представляется на фоне всего этого оазисом. Тут царят чистота, симметрия и какой-то умильный девический дух.

Два школьных диванчика под одинаковыми светлыми наглаженными покрывалами. Два письменных стола с одинаковыми лампами и одинаковыми же полочками над ними.

Фортепьяно. На нём - игрушки. По стенам и на полках много милых пустяков - детские рисунки, фотографии двух девочек, поделки, вышивки. На балконной открытой двери трепещет розовый тюль. В вазе на фортепьяно - букет полевых ромашек.

Кухня тоже не тронута разорением. Тут царит бытовой беспорядок. Неизбежный на крохотных кухнях, когда в доме много готовят и не очень благополучно всё складывается. Квартира обитаема.

В кухне - Вера, хозяйка этой квартиры.

Обыкновенная полнеющая женщина, недавно за пятьдесят.

В кухонное окно сильно бьёт солнце. На Вере - бюстгальтер и трусы. Бретельки бюстгальтера спущены с плеч. Вера сноровисто чистит овощи. На плите - что-то кипит в открытой кастрюле. Время от времени Вера плещет себе в лицо холодной водой из-под крана.

В большой комнате её супруг, Женя. Одет явно не по-домашнему. На нём - тёмные идеально отутюженные брюки, светлая рубашка с длинными рукавами и галстук. Узел галстука сейчас ослаблен.

Женя, грузный, за пятьдесят, мужчина, стоически переносит жару. Стараясь не запачкаться, он монотонно сдирает со стены остатки обоев. В тупой монотонности ощущается с трудом сдерживаемое раздражение.

В кровати полусидит - полулежит на высоких подушках Анна Ивановна. Она прикрыта до пояса ослепительно белым, отутюженный пикейным покрывалом. На ней чистенькая ситцевая сорочка в красный горошек по голубому. И сорочка, и покрывало, и сама Анна Ивановна создают ощущение невесомости, прохлады, ветхости, покоя и вечности. Глаза у Анны Ивановны закрыты. И сама она совершенно недвижима.

Внимание Жени привлекает газета, обнажившаяся после того, как он содрал очередной кусок обоев. Женя близоруко вглядывается в уцелевший текст и начинает искать очки: по карманам рубашки и брюк; пиджака, висящего на стуле; на журнальном столике; на подоконнике... И, наконец, находит их в ногах у Анны Ивановны. Надевает очки и зачитывает то, что его заинтересовало, вслух.

ЖЕНЯ. (по мере чтения, от нарастающего раздражения и изумления, всё больше и больше закидывает назад голову) Марья Ивановна Н., вернувшись ночью со своего родного завода, где бессменно проработала тридцать лет, решила сварить украинский борщ. В двухкомнатной квартире спали богатырским сном её муж, двое сыновей с невестками и пятеро внуков. Все рабочие или будущие рабочие того же завода. Старшие из династии любили с утра перед трудной сменой подкрепиться материнским борщом. Незадолго до рассвета, когда Марья Ивановна уже снимала с плиты десятилитровую кастрюлю огненного борща, она услышала подозрительную возню возле входной двери. Прямо с борщом двинулась туда Марья Ивановна. И увидела на пороге квартиры двух неизвестных. Один сразу же пригрозил хозяйке ножом, впоследствии оказавшимся расчёской. Марья Ивановна, коммунист с двадцатилетним стажем, прошедшая войну и блокаду, ветеран труда, многодетная мать и общественница, выплеснула на грабителей весь борщ. А потом, не растерявшись, вызвала и скорую помощь. И милицию! В данное время незваные гости, захотевшие отведать чужого борща, в реанимации, а Марья Ивановна весело смеётся и предлагает взять их после тюрьмы в свою бригаду на воспитание... Когда это всё было? И было ли всё это вообще? И может ли такое быть?

Анна Ивановна неожиданно сильно всхрипывает и даже как-то вскидывается, не открывая глаз. Женя вздрагивает, подходит к матери, наклоняется над ней. Та снова тиха и недвижима.

ЖЕНЯ. (негромко и осторожно) Старая? (никакой реакции, тогда он с перепугу рывкает) Старая!!!

АННА ИВАНОВНА. (открывает глаза, очень спокойно) Я не сплю.

ЖЕНЯ. (вытирает галстуком лицо, выпрямляется и бубнит) Подумал - помирать собралась.

АННА ИВАНОВНА. Спасибо, сыночек! Ничего не болит. В хорошем настроении. Бодрая. Потому что эгоистка. Все мы закоренелые эгоисты. Увы. А что ты хотел?

ЖЕНЯ. Да ничего! (пожимает плечами) Просто интересуюсь - помирать не собираешься?

АННА ИВАНОВНА. (оживляется, заметно рада разговору) А что такое?

ЖЕНЯ. Да ничего! Денег нет. У тебя там отложено... Если помирать пока не намерена..

АННА ИВАНОВНА. Возьмите!

ЖЕНЯ. Если что - сразу отдам.

АННА ИВАНОВНА. Мало волнуюсь.

ЖЕНЯ. Второй месяц в сумасшедшем доме.

АННА ИВАНОВНА. (о своём) Похороните! Поверх земли лежать не оставите!

ЖЕНЯ. Не фантазируй! Не расходишь! Ты явно не намерена отдавать концов!

АННА ИВАНОВНА. (в крайнем изумлении) Ждётся гонцов?

ЖЕНЯ. Совершенно сделалась не от мира сего. Жарко!

АННА ИВАНОВНА. Жалко. Да. А что я могу, сыночек?

ЖЕНЯ. Короче - помрёшь нескоро.

АННА ИВАНОВНА. Не от меня зависит. Я пожила бы, конечно.

ЖЕНЯ. Живи!

АННА ИВАНОВНА. (развеселилась) Не возражаешь?

ЖЕНЯ. Ни капли.

АННА ИВАНОВНА. Спасибо, Крошечка! Ты всегда добрый. Бегу с работы, а ты стоишь на верху помойки и кричишь твёрдо так: "Мама! Бомбов нету! Мной проверено!" Я мечтала стоять с твоим отцом на палубе белого парохода... И, чтоб шляпа с полями и чтоб ленты бились на ветру... Отпойте меня в Охтинской церкви!

ЖЕНЯ. Без проблем! Хотя...(отходит и стучит по ободранной стене) Вот напечатано - у нас тридцать три миллиона верующих. Но веры разные, даже противоречивые. И непонятно - кто во что верит...

АННА ИВАНОВНА. Тридцать три верующих? Чушь! (конкретно) Кто считал? В комнату входит Вера.

ЖЕНЯ. (к Вере, заискивающе) Еле дышит старая, а рассуждает.

Вера демонстративно игнорирует.

АННА ИВАНОВНА. Я - верующая. А кто меня спрашивал? Может теперь-то уже бы и сказала! Меня никто никогда в жизни ни о чём не спрашивал. Подумайте! Никто, никогда. Одна мать-покойница перед той ещё революцией бывало спрашивала: "Что, Нюрка, нам делать? Опять сметки или опять потроха?"

ВЕРА. (агрессивно) Я варю суп только для мамы!

Напряжённая пауза. Женя, пыхтя, снова принимается за обои.

АННА ИВАНОВНА. Где Вера?

ВЕРА. Здесь!

АННА ИВАНОВНА. Как чувствуешь, Верочка?

ВЕРА. Сейчас покормлю вас.

АННА ИВАНОВНА. Здравсти! Я ведь уже обедала!

ВЕРА. Это вчера.

АННА ИВАНОВНА. Что ты говоришь?! А сыта! Не обращай внимания! Корми Женю! Он всегда есть хочет! Потому что мужчина!

ЖЕНЯ. (отшвыривает кусок обоев) Все малахольные! Вчера щека дёргалась! А я за рулём! (Вере) Тебя вожу!

ВЕРА. А я про тебя ничего не знаю - дома ты обедаешь или...

АННА ИВАНОВНА. (стремится предупредить скандал) Верочка, вари ни с кем не советуюсь. Обед должен быть. Мало ли что случится! А обед есть!

ВЕРА. Поймите, мама!

ЖЕНЯ. (перебивает) Что ты затеялась с ней говорить? Она глухая! Сколько времени?

АННА ИВАНОВНА. Четверть третьего!

ЖЕНЯ. Главное - она всё знает! Что ты сочиняешь?

АННА ИВАНОВНА. У хозяина часы с боем!

ЖЕНЯ. Не действуй на нервы! Вера, сколько? Мои - стоят.

ВЕРА. (враждебно) И мои - стоят. (узнаёт по телефону) Четырнадцать часов шестнадцать минут.

АННА ИВАНОВНА. Никогда меня не слушаете! Сыночек, по-твоему, я совсем из ума выжила? Ничего подобного!

ВЕРА. И не надейся! Мама всё понимает!

ЖЕНЯ. Кончай прохлаждаться! Опоздаем! Вечно копаешься до последней минуты! А мне - расхлёбывать!

ВЕРА. Никуда не опаздываем! Называй вещи своими именами! А не трепи мне нервы! У меня на руках двое детей и твоя мать. Не смей трепать мне нервы!

ЖЕНЯ. Не смей меня шантажировать!

ВЕРА. Не смей мне угрожать! Мы тридцать лет с тобой прожили!

ЖЕНЯ. Без истерик - я сказал!

ВЕРА. У меня сегодня тяжёлый день! Не трепи мне нервы!

ЖЕНЯ. Без истерик!

ВЕРА. У меня вся жизнь кошмарная!

ЖЕНЯ. Я же сказал!

ВЕРА. Да поезжай, поезжай к ней!

ЖЕНЯ. Не смей так со мной разговаривать!

ВЕРА. Бросай меня! Никаких нервов не осталось!

ЖЕНЯ. Ничего с твоими нервами не сделается! Нервы у неё! Герцогиня какая! У меня инфаркт был, а никого не волнует!

ВЕРА. Не волнует? А ты вспомни!

ЖЕНЯ. Не заводись, я сказал! Разговаривай нормально! У меня инфаркт был. А теперь у тебя суд. И я всё время торчу возле твоей юбки! И целыми днями вожу по пеклу то тебя, то твоего адвоката! Голодный и дышу бензином! В конце концов, врежусь в трамвай! И никто спасибо не скажет!

ВЕРА. Не надо мне ничего от тебя! На трамвае доеду! Позавчера уже ехала на трамвае. И не так уж страшно! Можно пережить! И не такое выдерживала!

ЖЕНЯ. Что ты заходишься? Я только просил тебя пошевелиться.

ВЕРА. Повторяю. Я поставила курицу. Ты в состоянии понять? Курица суповая. Такой новый вид. Когда сварится, неизвестно... Я прожила с твоей матерью тридцать лет. И с места не сдвинусь, пока её не покормлю.

АННА ИВАНОВНА. Что вы так кричите? Вера, уступи! Он нервный, он старый, у него худой характер. Он блокаду пережил. Это не шуточки! Зато он семьянин!

Вера в отчаянье машет рукой.

АННА ИВАНОВНА. Женя, ты эгоист! Уступи! Девочек отправили в садик?

ВЕРА. (внятно) Мама! Наденьке - двадцать шесть лет. Она в командировке. Любочке - пятнадцать. Она в лагере от Жениной работы. Вы сломали ногу в двух местах. Не считая прочего. Мы от дачи в Нарве отказались. Там теперь другое государство.

АННА ИВАНОВНА. Наденька не замужем.

ЖЕНЯ. Не морочь матери голову. Ей своих девяносто, да ещё обезболивающих всадили прорву.

ВЕРА. Я никогда никого не обманываю.

ЖЕНЯ. Тогда плюнем на суд! Сядь около неё и расскажи ей всю нашу биографию! Твои педагогические припадки дорого нам обходятся.

АННА ИВАНОВНА. Женя, ты ещё здесь?

ЖЕНЯ. А где я уже, по-твоему?

АННА ИВАНОВНА. Тебе был звонок.

ЖЕНЯ. С работы?

ВЕРА. (с сарказмом) Именно.

АННА ИВАНОВНА. Несчастливая звонила.

ВЕРА. Несчастливая - это я.

АННА ИВАНОВНА. Ты обыкновенная. При муже. Баба, обсетая детьми. Промытой воды не видишь. Всю жизнь работаешь.

ВЕРА. (горько) Уже не работаю.

ЖЕНЯ. (матери) Не отвлекайся.

АННА ИВАНОВНА. Я всё сказала.

ЖЕНЯ. Что ты вообще сказала?

АННА ИВАНОВНА. Зайдёт.

ЖЕНЯ. Кто? Когда?

АННА ИВАНОВНА. Ничего неизвестно.

ЖЕНЯ. Ты можешь по-людски говорить?

АННА ИВАНОВНА. Что она о себе воображает?! Кто она такая? Кто ей дверь-то откроет? Я?! Ни у кого ума не стало!

ЖЕНЯ. Аппарат тебе надо.

АННА ИВАНОВНА. Какой аппарат?

ЖЕНЯ. В уши.

АННА ИВАНОВНА. Я наперёд знаю, что вы скажете. Ни с каким аппаратом ничего нового не услышу. А, если, не дай Бог, какое событие, всё равно вы все кричите.

ЖЕНЯ. У нас всё время события! Всё время живём в панике. А главное событие - никогда денег нет. И не предвидится. Главное - уже как-то и привыкаем без денег!

АННА ИВАНОВНА. Устал, Крошечка?

ЖЕНЯ. Обыкновенно. Как все граждане.

АННА ИВАНОВНА. Тебе беречься надо.

ВЕРА. Зайдёт! Какая наглость!

ЖЕНЯ. Перестань!

ВЕРА. Я у себя дома. Мама, почему она несчастная?

АННА ИВАНОВНА. Валька?

ВЕРА. Какая Валька?

АННА ИВАНОВНА. Крошечка, ты Вальку помнишь?

ЖЕНЯ. Отвяжитесь вы все от меня!

АННА ИВАНОВНА. Нехорошо, сыночек! Она тебе банку сгущёнки подарила и, может быть, этим спасла жизнь.

ЖЕНЯ. Мать, чего ты сочиняешь?

АННА ИВАНОВНА. Ещё при карточках.

ЖЕНЯ. Совсем недавно.

АННА ИВАНОВНА. У тебя памяти не стало, Крошечка! Две сестры со старой квартиры. Тонька, при детях, - чуть все в блокаду не померли. И Валька в веснушках всю блокаду в перманенте прогуляла. Тоня в ночной была, когда её супруг вернулся. В чинах, контуженный и с чемоданами. Валька его тут же, не дожидаясь Тоньки, понарошне и отбила. Тонька прибегла с работы, а Валька ей навстречу выступает в трофейной комбинации, как королева английская. В крик пустились. Тонька и сестру била, и своего майора била, пока они в сознание не пришли. Нашим утюгом била, которым до сих пор гладим. Потом перегородили свои девять метров и жили. Майор так и ходил в трусах через Вальку на кухню мыться. Мылся и пел. А Валька всё ногти на ногах перед ним красила, такая была упорная. Тонькины дети выучились на инженеров. Сколько инженеров совсем недавно было! Инженер считался приличным человеком. А сейчас? Куда они подевались? Кругом продают-покупают, продают-покупают... А ни у кого ничего нет!

ЖЕНЯ. Говоришь неизвестно что! Только атмосферу сгущаешь.

ВЕРА. А у неё муж замполит был. Контейнерами из Турции всё вёз. На своей подводной лодке.

ЖЕНЯ. Ты-то чего чушь порешь?

ВЕРА. Сама с собой беседую. На своей площади. Имею право.

ЖЕНЯ. Беседуй сколько влезет! Но не около меня. Отойди на расстояние!

ВЕРА. (демонстративно отступает на два шага от него) Достаточно?

ЖЕНЯ. Не доводи меня! Щека задёргалась. Проклятье! В отпуске называется. Теперь зубы обязательно заболят.

АННА ИВАНОВНА. У тебя ещё свои зубы остались, сыночек?

ВЕРА. Работает раз в неделю! Для стажа. Факультатив. По сексуальной культуре. А я всю жизнь на полторы ставки. Из декрета - сразу на полторы ставки.

ЖЕНЯ. У тебя своя жизнь, у неё - другая.

ВЕРА. Ей всё по потребности, а мне по морде. В филармонию ходит! Да разве сейчас нормальный человек пойдёт в филармонию?

ЖЕНЯ. Музыка понимает. А у тебя нет слуха.

ВЕРА. Сдохну - никто не узнает, был у меня слух или нет. Музыкальную школу закончила когда-то! Полонез Огиньского играла!

АННА ИВАНОВНА. Меня ещё мать-покойница предостерегала - вышла замуж, подруг прекратить! Мужу подруга либо нравится, либо на нервы действует. Хороших вариантов не бывает.

ВЕРА. Дура и дура, вас не слушала! Завела подругу на старости! На работу к себе устроила! Секс преподавать факультативно. Зачем? И так всё училище беременное!

АННА ИВАНОВНА. Умани у кого теперь нет.

ВЕРА. А чего остерегаться? Муж у неё получше моего. На подводной лодке по заграницам плавает.

ЖЕНЯ. Покойника не трогай хоть!

ВЕРА. Квартира как музей. И вот дожидка - она мою площадь делит!

ЖЕНЯ. Твою площадь? Я что, по-твоему, за тридцать лет своего угла не нажил? Мне что, в бомжи податься? Ты меня этой конурой семиметровой в коммуналке, попрекаешь?

ВЕРА. Нам досталось не лучше!

ЖЕНЯ. Ничего себе - не лучше! Отдельная двухкомнатная.

ВЕРА. Сугубо смежна я .

ЖЕНЯ. Зато метро рядом.

ВЕРА. Конечно. Машину-то забираешь ты!

ЖЕНЯ. А ты водишь машину? Водишь?

ВЕРА. И первый этаж! И на четверых!

ЖЕНЯ. На каких четверых?

ВЕРА. А я ничьей смерти не жду!

ЖЕНЯ. Каждый день сначала!

ВЕРА. Да! Потому что это - моя жизнь!

ЖЕНЯ. (орёт) Надоело!

ВЕРА. На меня тебе наплевать! Но предать девочек, когда инфляция, войны, разруха, преступность, и Наденька не замужем, и у Любы переходный возраст...

ЖЕНЯ. Хватит! Я больше не отвечаю за себя!

ВЕРА. Мать бросаешь! Толкаешь её фактически в могилу!

ЖЕНЯ. Заткнись! (ударил Веру по лицу)

Вера заметалась по комнате и тонко визжит. Видно, что ударили её впервые, что это за гранью понимания её отношений с мужем. Она и представить себе такого не могла.

АННА ИВАНОВНА. Господи! Да обрати ты на нас внимание! Сыночек, проси прощения!

ВЕРА. Нет, ты убей меня! Мне легче станет! Предатель!!! Девочки никогда не простят! На могилу твою не придут! Тебя мать проклянёт!

Женя охает, хватается за сердце, опускается на стул.

ВЕРА.(сразу) Всё! Женечка, я закончила! Где лекарство? Женечка, где твоё лекарство? Всюду - разгром!

ЖЕНЯ. Не мечись ты. В пиджаке лекарство.

ВЕРА. А сам-то пиджак где? В машине?

ЖЕНЯ. Скоро ты? Или мне сдохнуть на этом стуле?

ВЕРА. Главное - не нервничай и ни на что не обращай внимания! Нашла! (даёт лекарство)

Легче? Тебе двух дочек замуж выдавать! Я без тебя не сумею, не справлюсь. В девках останутся. Я привыкла, что кругом ты. Легче?

ЖЕНЯ. Отпустило. Не суетись.

ВЕРА. Обопрись на меня! Я доведу. Приляжешь.

ЖЕНЯ. Сам.

ВЕРА. Куда ты сам годишься?

Женя отстраняет Веру, проходит в "детскую" и ложится на один из диванчиков.

АННА ИВАНОВНА. Господи, помилуй нас, грешных!

ВЕРА. (стоит над Женей.) Лучше?

ЖЕНЯ. Не стой надо мной.

ВЕРА. Испугалась. Руки ходуном. Видишь? И в затылок вступило. Давление небось на двести вскочило. (ложится на другой диванчик) А ты как?

ЖЕНЯ. Пока жив.

ВЕРА. Под лопаткой жжёт?

ЖЕНЯ. Вроде стихло.

ВЕРА. Грудь сдавливает?

ЖЕНЯ. В меру.

ВЕРА. Потри грудь!

ЖЕНЯ. Тру.

ВЕРА. Дышать тяжело?

ЖЕНЯ. Дышу.

ВЕРА. Мне полмиллиона надо.

ЖЕНЯ. Сейчас напечатаю.

ВЕРА. Наде послать тысяч триста. Она звонила- там шапки. И Любе что-то купить. В воскресенье родительский день. Поедешь?

ЖЕНЯ. Куда я денусь?

АННА ИВАНОВНА. Сыночек! Крошечка! Верка!!! Ушли! Никаких распоряжений не оставили.

ЖЕНЯ. (с трудом) Мама!

АННА ИВАНОВНА. Ты жив?

ЖЕНЯ. Чего надо?

АННА ИВАНОВНА. Кормить меня намереваетесь?

ЖЕНЯ. (Вере) Будешь кормить?

ВЕРА. Сейчас.

ЖЕНЯ. (громко) Скоро!

АННА ИВАНОВНА. Только на вас и надеюсь.

ВЕРА. (начинает подниматься) И суп как раз сварился.

ЖЕНЯ. (не двигаясь) Лежи! Я сам.

Лежат оба. Встаёт Женя и подходит к матери.

ЖЕНЯ. Верке плохо.

АННА ИВАНОВНА. Я не удивляюсь.

ЖЕНЯ. Сейчас покормлю тебя.

АННА ИВАНОВНА. Не к спеху. Я, хоть и старая, но с понятием.

Женя идёт на кухню, набирает в аптечке таблеток, смачивает полотенца, наливает в чашку воды и возвращается к Вере. Молча укладывает ей на голове полотенце. Вера всхлипывает.

ЖЕНЯ. Твой спазмальгин. Мой валидол. Твоя но-шпа.

Глотают таблетки, запивают из одной чашки.

ВЕРА. Я буду за тебя бороться.

ЖЕНЯ. Двигаться пора.

ВЕРА. Приведу себя в порядок. А то все мои враги на суд в бриллиантах ходят, специально, чтоб меня из колеи выбить. Браслет надеть?

ЖЕНЯ. А не жарко? Как хочешь вообще-то. Хуже не будет!

ВЕРА. Я перед судом хуже всех.

ЖЕНЯ. Не фантазируй! Обыкновенно выглядишь.

ВЕРА. Мне - пятьдесят три. А я ещё не жила.

ЖЕНЯ. А кто жил?

Вера забирает со стула своё платье и уходит в ванную. Оттуда шум воды... Женя идёт на кухню.

Эмма открывает дверь своим ключом. В руках у неё два рулона обоев. Она вслушивается в квартиру и похожа на собаку, которая вынюхивает своего хозяина. Безошибочно направляется на кухню, картинно роняет рулоны и прижимается к Жене.

ЭММА. Что? Что? Что? Ну что?

ЖЕНЯ. (устало) Чего?

ЭММА. Что суд? Что всё? Что? Что? Что?

ЖЕНЯ. Да ничего. Всё та же ерунда. Суд перенесли на вечер. Сейчас и потащимся.

ЭММА. Но всё это кончится сегодня? Кончится? Да? Сегодня?

ЖЕНЯ. Уповаем.

ЭММА. Жизнь одна! Всё надо успеть. Развод, размен - скорее, скорее. Вызов от дочери пришёл. Осенью мы с тобой будем в Испании! На тебя страшно смотреть! Во что тебя тут превратили?! Сегодня я увезу тебя отсюда! И утром ты проснёшься уже возле меня! Человеком!!! А где?

ЖЕНЯ. В ванной. А это что у тебя? Обои?

ЭММА. Люблю, люблю, обожаю, хочу тебя! Спустись! В такси ещё четыре рулона. Забери. С водителем я расплатилась.

Женя выходит. Эмма пристально рассматривает себя в зеркало и входит в комнату.

ЭММА. (Анне Ивановне) Как себя чувствуем?

Анна Ивановна приподымается в постели, откидывает назад голову и глядит на Эмму в высшей степени изумлённо.

ЭММА. (нимало не смущаясь) Посвежели, посвежели! Вам сейчас больше семидесяти и не даст никто.

АННА ИВАНОВНА. (с интонацией вдовствующей императрицы) Что такое?

Возвращается Женя с обоями.

ЭММА.(Жене) Наша Анна Ивановна просто прелесть!

ЖЕНЯ. Выкарабкивается старая. Думали - помрёт.

ЭММА. По-моему, ты можешь перестать тревожиться. По-моему, Анна Ивановна здоровее нас с тобой.

ЖЕНЯ. Протянет ещё. Наша порода живучая.

ЭММА. (тянет его за руку в коридор) Идём... (в коридоре прижимается к нему и зацеловывает в ажитации) Я так тебя хочу!.. Этот противный суд! Просто какой-то страшный суд! И главное- нас-то не касается. Сегодня я увезу моего мальчика! Я так хочу моего мальчика!

ЖЕНЯ. Эмма, не так бурно, мы не одни.

ЭММА. Нет, одни! Я потеряла голову из-за своего мальчика! Жизнь одна! Какое дело нам до всех! Я обожаю тебя и больше ничего знать не желаю!

И Женя не выдерживает. Он обнимает её, целует порывисто и топорно, как это свойственно тихим прирученным мужчинам, внезапно взбрыкнувшим.

Из ванной выходит уже одетая Вера, видит их и прижимает руки ко рту.

ЭММА. Верочка! (не сразу позволяет Жене отстраниться от неё) Ты прелесть! И костюмчик на тебе миленький! Это нарочно так? Или ты выросла из него? Молодит тебя! Очень! Года на три! В ателье делала?

ЖЕНЯ. (Вере) Прошу тебя!

ВЕРА.(игнорируя Женю, холодно Эмме) Шила моя портниха.

ЭММА. Прелестно! Эта ткань одно время валялась по всем магазинам. Мне бы и в голову не пришло, что из неё можно что-то сотворить. На мой вкус вообще импортные вещи лучше. У нас пол-училища ходит в этой ткани. Но ни у кого так удачно, как у тебя. И браслетик подходит.

ВЕРА. Браслет подарил мне муж. За то, что я родила ему вторую дочь.

ЭММА. (Жене пылко и любовно) У тебя великолепный вкус, мой мальчик! Всегда буду с тобой советоваться! Прекрасный вкус!

ВЕРА. Женя подарил мне деньги. Браслет я покупала без него.

ЭММА. Да? И сколько он стоил?

ВЕРА. Для меня - это не важно.

ЭММА. Для меня - тоже.

ЖЕНЯ. (Вере) Корми мать и отваливаем.

ЭММА. Езжайте спокойно. Я всё тут сделаю. У меня с Анной Ивановной прекрасный контакт. Я полюбила её как родную мать.

ВЕРА. Маму я покормлю сама.

ЖЕНЯ. Сама-сама! Опаздываем!

ВЕРА. Не кричи на меня при посторонних!

ЖЕНЯ. Я не кричу. Я прошу - давай побыстрее.

ВЕРА. (озабоченно) Зря я оделась. Поторопилась.

ЖЕНЯ. Что ещё?! Вечно тебя разбирает в последний момент!

ЭММА. (Жене) Не нервничай. Нам осталось так мало терпеть!

ЖЕНЯ. Хочется хоть раз нормально уйти из дома.

Вера уходит в комнату. Эмма накидывается на Женю, и они целуются, хотя Женя явно чувствует себя стеснённо и прислушивается к тому, что происходит в комнате. Он не хочет, чтобы его застали врасплох ещё раз.

ВЕРА. (Анне Ивановне) Мама, приготовьтесь, я вам подам судно.

АННА ИВАНОВНА. Успеется.

ВЕРА. Нам уже пора.

АННА ИВАНОВНА. А меня так и не покормили.

ВЕРА. Сейчас, сейчас... (стремительно выходит и вновь "застукивает" Эмму и Женю)

Боже мой! Какая пошлость в ваших возрастах! (снова метнулась в комнату)

ЭММА. (проходит за ней вслед) Все возрасты покорны этому, Верочка!

АННА ИВАНОВНА. Ничего не понимаю! Кормить будете?

ЖЕНЯ. (входит) Эмма покормит.

АННА ИВАНОВНА. (изумлённо) Кто?!

ЭММА. Всё в порядке, всё хорошо, Анна Ивановна!

АННА ИВАНОВНА. (бесцеремонно про Эмму) Эта здесь будет обитать? Возле меня?

ЭММА. (весело) И обоями заодно займусь! Что-то плохо тут без меня дело движется!

Верочка, крахмал есть?

ВЕРА. Это мой дом. И я тут хозяйка. Приходи и уводи! А в доме моём хозяйничать не смей!

ЭММА. Жара, жара! Приму душ с вашего позволения. Представляешь, Женечка, какая жара сейчас в Испании. Дочь пишет - там ещё жарче, чем мы читали. Но знаете- всюду кондиционеры, кондиционеры... Тысячи кондиционеров! Поэтому, даже с твоим сердцем, Женечка, в Испании безопасно. (уходит в ванную)

АННА ИВАНОВНА. Говорит неизвестно что! Какая Испания?

ВЕРА. Ваш сын собрался в Испанию.

АННА ИВАНОВНА. Ни у кого ума нет. Что ты там не видел?

ЖЕНЯ. Я ничего не видел вообще!

АННА ИВАНОВНА. Твой отец там был. Сильно бомбили. Я одно не могу понять- с какой стати ей тут без вас находиться? Всюду роется!

ЖЕНЯ. Не сочиняй! Откуда ты можешь знать? Не встаёшь же!

АННА ИВАНОВНА. Я предполагаю и сильно предполагаю. Я старая и слабая, ничему не могу препятствовать. Если что пропадёт - не отвечаю. Я вас предупредила.

ВЕРА. Мама права!

ЖЕНЯ. Не подзуживай мать!

АННА ИВАНОВНА. Я сама жизнь прожила. И Вальке не доверяю.

ЖЕНЯ. Её зовут Эмма. Запомни!

АННА ИВАНОВНА. Незачем стараться. Помру скоро.

ЖЕНЯ. Некогда с тобой дискутировать. Эмма тебя покормит. (Вере) Поехали!

АННА ИВАНОВНА. Вера, налей сейчас суп и поставь в поле зрения. Я её опасуюсь.

ЖЕНЯ. (матери) Роль играешь?

АННА ИВАНОВНА. Никто не заинтересуется - с чего это старуха преставилась. И вскрытия не сделают. Старым сейчас никакого внимания.

ЖЕНЯ. Это тебе-то никакого внимания?

ВЕРА. Я сейчас сама всё приготовлю, мамочка! (уходит в кухню, там собирает на поднос обед)

ЖЕНЯ. (бубнит) Сама всё приготовлю, мамочка... (Анне Ивановне) Старая, тебе вкусное что-нибудь купить?

АННА ИВАНОВНА. Ничего мне не надо, Крошечка!

ЖЕНЯ. (передразнивает) Ничего не надо, ничего не надо... А потом начнёшь рассуждать!

ВЕРА. (кричит из кухни) Женя! Приготовься!

Женя идёт в "детскую" и снимает с книжной полки два больших тома.

Вера входит с подносом, ногой подталкивает к кровати журнальный столик.

ВЕРА. (раздражённо) Не мог столик подвинуть?! Попросила же!!

ЖЕНЯ. (укладывает книги на столик) Жизнь животных - раз! Жизнь животных - два! (прикрывает книги газетой, потом скатертью)

ВЕРА. Я вас сегодня в ванной выкупаю, мамочка! Чем бы суд не кончился, всё равно выкупаю. Только ванну отмою как следует.

ЖЕНЯ. Может, клеёнку сверху?

ВЕРА. Никогда! Я прожила с твоей мамой тридцать лет, и никогда не допущу, чтоб она ела на клеёнке.

АННА ИВАНОВНА. Идите! (крестит их) Не разбейся на машине, сыночек!

Из ванной возвращается Эмма. Очень короткий халатик, на голове что-то типа чалмы.

ЭММА. Привела себя в рабочее состояние. Я тут начну и кончу. Не нравится мне ваш размен!

ВЕРА. Это совпадение. И мне не нравится!

ЭММА. Я говорила Женечке - слабый вариант. Я нашла лучше.

ВЕРА. Вот как?

ЭММА. Подробности на досуге.

ЖЕНЯ. С подробностями у нас кризис. Сколько?

ЭММА. У нас нет кризиса. Потянем!

Вера стремительно выходит из квартиры и хлопает дверью.

ЭММА. (вдогонку) Ни пуха, ни пера, Верочка!

ЖЕНЯ. (заметно выбит из колеи) Что-то я забыл? Где пиджак?

ЭММА. Я тебя сегодня увезу.

ВЕРА. (возвращается) Я что - Ярославна? Почему я должна плакать и ждать?

ЭММА (невозмутимо) Потому что ты в тапочках. Верочка!

Вера меняет обувь.

ЖЕНЯ. (Эмме) Ты здесь будешь?

ЭММА. Я буду ждать тебя здесь.

ЖЕНЯ. На мать особо не реагируй.

ВЕРА. (заглядывает в комнату, Анне Ивановне) Приятного аппетита! До свидания!

АННА ИВАНОВНА. Счастливо вам!

Вера и Женя уходят.

ЭММА. (заходит в комнату) Ну вот- мы с вами наконец-то вдвоём!

АННА ИВАНОВНА. Я не стремилась. Но что делать? Меня никто не спрашивает!

ЭММА. Нам есть, о чём побеседовать.

АННА ИВАНОВНА. Я не дослышу. Поем, извиняюсь.

Эмма достаёт из сумки стандартные импортные упаковки с салатами и паштетами. И ставит перед Анной Ивановной.

АННА ИВАНОВНА. (картинно отшатывается) Что вы хотите от меня?

ЭММА. Это специально для вас!

АННА ИВАНОВНА. Избави Бог!

ЭММА. Да вы попробуйте! А уж потом отказывайтесь! Изысканный вкус! Женя раскрыл мне секрет. Вы - лакомка!

АННА ИВАНОВНА. Я ни в чём не нуждаюсь.

ЭММА. Тресковая печень! Вы меня обижаете!

АННА ИВАНОВНА. Что вы вообразили? Не буду!

ЭММА. Давайте рассуждать откровенно! Вы меня не любите.

АННА ИВАНОВНА. Не впутывайте меня! Я - старая.

ЭММА. Вы считаете - я разбила вашу семью? А ведь я тоже прожила непростую жизнь. Сама я из деревни. Думаете - это легко? А теперь в это даже поверить трудно!

АННА ИВАНОВНА. Почему трудно? Я верю.

ЭММА. Из деревни я уже очень давно. Уже и не помню. Я всего достигла сама. Своими совершенствами.

АННА ИВАНОВНА. А от меня чего надо?

ЭММА. Ничего! Я люблю вашего сына. Жизнь за него отдам!

АННА ИВАНОВНА. Чью жизнь?

ЭММА. (продолжает) А перед вами я преклоняюсь.

АННА ИВАНОВНА. Что такое?

ЭММА. (кричит) Преклоняюсь перед вами! (продолжает чуть тише) Вы его вырастили и вообще.

АННА ИВАНОВНА. (философски) С какой стати?

ЭММА. (продолжает) Воспитали...

АННА ИВАНОВНА. А при чём тут вы?

ЭММА. Он... Он - Пьер Безухов в прекрасном исполнении Бондарчука. Таких мужчин не бывает в наше время!

АННА ИВАНОВНА. И что?

ЭММА. Вы - мать. А я -...не мать. Но мы обе его любим. Одинаково. Он всё решил окончательно. И теперь поэтому страдает. Ему страдать вредно. У него сердце. Вы забыли? Поддержим его вместе. Вы и я. Самые близкие ему женщины!

АННА ИВАНОВНА. Я не вмешиваюсь.

ЭММА. Но ваш сын страдает из-за вас!

АННА ИВАНОВНА. Здравсти! Из-за меня!

ЭММА. А из-за кого же? Дочки взрослые. У них своя жизнь!

АННА ИВАНОВНА. Не только дочери есть!

ЭММА. Ваша невестка? Бывшая? Знаете, как в песне - жена найдёт себе другого...

АННА ИВАНОВНА. Не морочьте мне голову! Кого найдёт?! Кому она нужна?!

ЭММА. В конце концов, я найду ей! У меня - круг!

АННА ИВАНОВНА. Вот для себя бы и искали в своём круге!

ЭММА. Я не виновата, что мы с Женей полюбили друг друга!

АННА ИВАНОВНА. А кто виноват?

ЭММА. Рок. Судьба.

АННА ИВАНОВНА. Не пожелай жены ближнего своего!

ЭММА. Вы жили просто.

АННА ИВАНОВНА. Короче - я не заинтересована. Всё порушится. А мне - в богадельню? Кому я нужна? Невестке оскорблённой? Её мужу из вашего круга?

ЭММА. Сыну! И мне.

АННА ИВАНОВНА. Буду протестовать. Никто внимания не обратит. Но я всё равно буду делать, что могу! Моё последнее слово! Эмма садится на подоконник и закуривает.

АННА ИВАНОВНА. Дама! Вы ещё здесь?

ЭММА. Естественно!

АННА ИВАНОВНА. Чем занимаетесь?

ЭММА. Курю пока.

АННА ИВАНОВНА. Я так и предполагала.

ЭММА. Нельзя?

АННА ИВАНОВНА. Сделайте любезность - дайте папиросу! Я курящая. Но Вера запрещает. А я нахожусь в полной зависимости.

ЭММА. У меня - "Мальборо". Вы, наверное, к другим привыкли?

АННА ИВАНОВНА. Какие нежности! Я столько всякой дряни за жизнь перекурила!

Эмма даёт сигарету, щёлкает зажигалкой.

АННА ИВАНОВНА. Признательна!

ЭММА. (уходит на кухню) Не за что!

АННА ИВАНОВНА. (ей вслед) Лично я обожаю "Беломор" или "Север", но и эти сойдут! (когда Эмма уже вышла) Холера голоногая!

ЭММА. (в кухне шарит по полкам) Крахмал... крахмал... Старая сволочь!

АННА ИВАНОВНА. (утешается) Паскуда на мою голову!

ЭММА. Вот крахмал! Сука безмозглая! (разводит крахмал водой, ставит на газ и возвращается в комнату. Анне Ивановне сверхлюбезно о) Ну как пошло "Мальборо"?

АННА ИВАНОВНА. Дышать полегче. И в сон не клонит. (торжественно) Буду готовиться в уборную!

ЭММА. Помочь?

АННА ИВАНОВНА. Своими силами справлюсь.

Эмма мерит и нарезает обои. Анна Ивановна спускает с кровати ноги. Помимо сорочки на ней обрезанные тренировочные штаны. Всё делает с усилием, но движения координированы.

ЭММА. Развоевались. А не дойдёте ведь!

АННА ИВАНОВНА. Дойду- не дойду, а стремиться буду.

ЭММА. А, если, упадёте?

АННА ИВАНОВНА. Погибну! Дама, подайте мне стул поближе!

Эмма подставляет стул Анне Ивановне.

АННА ИВАНОВНА. А теперь не отвлекайте меня! Дело серьёзное! (хватается за спинку стула, скорабкивается с кровати и прямо в белых носочках становится на пол)

ЭММА. (берётся за стул) Я помогу.

АННА ИВАНОВНА. Пустите стул! (толкает перед собой стул и продвигается медленно, но верно)

ЭММА. Клей подгорит! (срывается с места, пробегая мимо Анны Ивановны, задевает её)

Анна Ивановна пошатнулась и закричала. Но ей удаётся сохранить равновесие.

ЭММА. (спешит к ней) Предупреждала ведь!

АННА ИВАНОВНА. Отойдите от меня! (гневно) Вы, дама, делайте, что вам надо, но возле меня не мельтешитесь! Чтоб мой горизонт был от вас свободен!

Эмма уходит на кухню. Снимает с плиты кастрюлю и возвращается с ней в комнату.

ЭММА. Вот крахмал и готов!

АННА ИВАНОВНА. Дальше от меня! Обварите!! Вонь от вас какая!!!

ЭММА. Крахмал подгорел!

АННА ИВАНОВНА. Я могу продолжать путь?

ЭММА. Зелёный свет!

АННА ИВАНОВНА. Поволокусь! (той же манерой продвигается к туалету и неожиданно запекает) По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах, бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах. (добирается)

Междугородний звонок.

ЭММА. (хватает трубку) Да? Кто это? Наденька! А это я. Эмма! Мамы с папой нет. Суд перенесли. На сегодня. С сегодня на сегодня. Сейчас суд идёт. Я тоже очень волнуюсь.

Перезвони попозже! У тебя там будет ночь? Не ходи! Прекрасно. Целую!(вешает трубку)
Звук спускаемой воды. Анна Ивановна гордо покидает уборную.
АННА ИВАНОВНА. (издали) Кому звонили?
ЭММА. Наденька звонила!
АННА ИВАНОВНА. Надька? С Севера? И вот деньги тратит!
ЭММА. Про суд спрашивала.
АННА ИВАНОВНА. А про меня не спрашивала?
ЭММА. Привет передавала.
АННА ИВАНОВНА. Мне - лично?
ЭММА. Общий.
Эмма клеит обои. Анна Ивановна пускается в обратный путь.
ЭММА. А почему обратно без песни?
АННА ИВАНОВНА. Утомилась. (гордо) Но есть чувство глубокого удовлетворения.
ЭММА. Прямо подвиг!
АННА ИВАНОВНА. В жизни, дама, много незаметных подвигов!
ЭММА. В ваши годы пережить такой ожог!
АННА ИВАНОВНА. Вся моя жизнь - борьба.
ЭММА. Могут быть осложнения, если вы будете столь активны.
АННА ИВАНОВНА. Не сглазьте!
ЭММА. Красивые обои?
АННА ИВАНОВНА. Меня не касается. Последний дюйм. Дошла! Ай да Нюрка!
(усаживается на постель, свесив ноги) Ай да Нюрка!!! Сама дошла до уборной!!! И
вернулась жива и невредима! Мои не поверят! Будете свидетелем! Вот только шея
вспотела.
ЭММА. Я принесу полотенце. (уходит)
АННА ИВАНОВНА. Не надо ничего! Меня сегодня Верка купать будет, несмотря ни на
что.
Эмма приносит полотенце.
АННА ИВАНОВНА. Верка - необыкновенная женщина. Чудная. Ни в какое сравнение! Я
жизнь прожила, а ею восхищаюсь! Образованна в том числе. Вся историю наизусть знает!
ЭММА. Ладно, ладно... (обматывает шею Анны Ивановны полотенцем)
АННА ИВАНОВНА. (раздражённо) Что вы всё ко мне лезете, лезете?..
ЭММА. Надо шею промокнуть, а то пролежи образуются. Вы свою Веру то хвалите, то
ругаете!
АННА ИВАНОВНА. Где я ругала?
ЭММА. С вами запутаешься. То ругали, ругали...
АННА ИВАНОВНА. А вы вблизи совсем неинтересная!
ЭММА. (зло) А сыну вашему нравлюсь. И особенно - вблизи.
АННА ИВАНОВНА. А я, пока в силах, не допущу подобного сумасшествия! Напрасны
ваши совершенства! Только через мой труп!
Остервеневшая Эмма, вряд ли сама отчётливо осознавая, стягивает полотенце на шею Анны
Ивановны.
АННА ИВАНОВНА. (оторопело) Дама, что вы делаете?
Смотрят в глаза друг другу. Звонок в дверь.
АННА ИВАНОВНА. (неожиданно энергично) Караул! Пожар!!
Эмма растерялась, отступилась от Анны Ивановны, поколебалась и пошла открывать.
АННА ИВАНОВНА. Не открывайте! У наших - ключ! Спросите - кто!
Эмма открывает. За дверью - никого.
АННА ИВАНОВНА. (непрерывно крестится) Кто там? Дама! Кто там?
ЭММА. (перекрестилась) Никого!
АННА ИВАНОВНА. Мальчишки-сатоны хулиганят! (про себя) Дай им Бог здоровья!
(громко) Дама!

ЭММА. Ну?

АННА ИВАНОВНА. Вы ещё здесь? Ко мне не подходите! Кричать буду!

ЭММА. (возвращается) Я работаю! (не глядя на Анну Ивановну, занимается обоями) Вам мерещится чёрт знает что.

АННА ИВАНОВНА. Не отвлекайте меня. Я занята.

ЭММА. И чем же?

АННА ИВАНОВНА. Ожидаю!

ЭММА. Чего?

АННА ИВАНОВНА. Придут ко мне сейчас.

ЭММА. Кто же?

АННА ИВАНОВНА. Вас не касается.

ЭММА. Никто не придёт.

АННА ИВАНОВНА. Не хочу спорить. Я своим намеком успела, что они оставляют меня бодрой, а вернутся - и здрассти - представилась ни с того ни с сего! Если обнаружится такой вариант, то мои обратят на это внимание. И вообще я жду гостей сию минуту!

Звонок.

АННА ИВАНОВНА. Обратите внимание - звонок!

ЭММА. Мальчишки балуются.

АННА ИВАНОВНА. Неизвестно.

Эмма открывает. Старик с бумажкой в руке.

ЭММА. Вам кого?

СТАРИК. Мне - Нюру Тяпкину!

ЭММА. Такие не живут! (захлопывает дверь)

АННА ИВАНОВНА. Кто был?

ЭММА. Ошиблись. Тяпкину какую-то ищут!

АННА ИВАНОВНА. Тяпкину? Знакомая фамилия! Где я её слышала? Так это ж моя фамилия! Девичья! Верните! Может, по делу!

ЭММА. Какое дело? Ему сто лет!

АННА ИВАНОВНА. Тем более, зря не станет ноги бить!

Звонок. Эмма открывает.

СТАРИК. Позвольте уточнить адрес!

ЭММА. Нашлась Тяпкина. Но совсем плоха. Заговаривается.

СТАРИК. Она мне нужна.

ЭММА. (отступает) Проходите! (ведёт) Сюда!

СТАРИК. (Анне Ивановне) Нюра! Ты жива? Какая неожиданность!

АННА ИВАНОВНА. Я затрудняюсь. Кто вы такой?

СТАРИК. Я тебя сразу узнал! А ты вспоминай!

АННА ИВАНОВНА. Туда! На свет! Левее! Чуть повернитесь! И всё-таки я затрудняюсь сказать вам - кто вы такой.

СТАРИК. Стареешь, Нюра! Уже не та, что полвека назад. Дёгтев я.

АННА ИВАНОВНА. (молодо) Платон Тимофеевич! Вы живы? Вот уж не ожидала!

СТАРИК. Сейчас от Маруси. Ехал, ехал, добирался, добирался... С целью мира... Всё думал - вот Марусе неожиданность! Пора! Тридцать лет почти не видались. Всё думал - взглянет как, скажет как... А вышла мне неожиданность! Мне её навстречу вперёд ногами! Хорошо хоть, твой адресочек там отыскался!

АННА ИВАНОВНА. Маруся померла! Царствие небесное! (помолчала) А ведь она помоложе меня будет! С какого Маруся? С двенадцатого или тринадцатого?

СТАРИК. Я таких пустяков не помню, Нюра!

АННА ИВАНОВНА. А вы и вовсе с девятисотого! В тридцать седьмом вы были видный мужчина! И надо ведь - живы! Шутка ли! Сколько вы, извиняюсь, присидели?

СТАРИК. Не важно это всё, Нюра!

ЭММА. (подаёт ему стул) Присядьте!

СТАРИК. (садится и тут только обращает внимание на Эмму) Внучка?

АННА ИВАНОВНА. Нет, так прибилась к нам. Из деревни.

СТАРИК. Да, времена сейчас тяжёлые. (про Эмму) Значит, опекает тебя? Ты одинокая?

АННА ИВАНОВНА. С какой стати? Муж был. Погиб. В первых днях войны. После этого я замужеством больше не интересовалась. Теперь около меня невестка образованная.

Внучка-инженер. Другая внучка в лагере. А вы живы! Я же вас, грешница, столько раз в за упоко й писала! И как выдержали? Сами-то вы после Маруси нашли себе кого или как?

СТАРИК. Не важно всё это... Не до семьи, Нюра! Ты должна помнить, я всегда в борьбе за правду и порядок.

АННА ИВАНОВНА. Каким ты был, таким ты и остался, казак лихой, орёл степной!

СТАРИК. Летел к Марусе, а приземлился к тебе. А надо бы к тебе с Марусей бы... Такая досада!

АННА ИВАНОВНА. Да как живёте-то, Платон Тимофеевич, где?

СТАРИК. Живу.

АННА ИВАНОВНА. Так рассказывайте!

СТАРИК. Не затем я тебя разыскал, чтоб о пустяках...

АННА ИВАНОВНА. А мне снилось нынче видать к случаю. Будто ветер и несёт на меня мелкий мусор.

ЭММА. (светски) Сколько же вы не виделись?

СТАРИК. Полвека!

ЭММА. Вы тоже жертва культа личности?

СТАРИК. Почему - тоже? И вы разве сидели?

ЭММА. Я?! Что вы?! Просто сейчас столько жертв всплыло. Ну и что - реабилитировали вас?

СТАРИК. (удивляясь всё больше) Реабilitировали. А что?

ЭММА. Просто спрашиваю. А чего вы волнуетесь?

СТАРИК. Нюра, ты говоришь - эта женщина кто? Невестка твоя?

АННА ИВАНОВНА. Вообще не наша! Наши сейчас подойдут! Пятьдесят лет, а как вчера. Ты всё такой же!

ЭММА. (уносит грязную посуду) А добрались до нас как? В карете истории? (В кухне ставит чайник)

СТАРИК. (громко и удивляясь) Сначала на самолёте, потом на такси и окончательно уже на трамвае.

Отпирают ключом дверь и входят Женя и Вера.

ЭММА. (выскакивает в прихожую) Ну?!

ЖЕНЯ. Победа!!! Восстановили!!!

ЭММА. Поздравляю! (неожиданно для Веры бросается ей на шею и целует) Поздравляю! (бросается на шею Жене) Наконец-то закончились наши мучения! И у нас, кстати, гость!

ЖЕНЯ. (настороженно) Какой ещё гость? (проходит в комнату; Старику не приветливо) Здравствуй!

АННА ИВАНОВНА. (очень гордо) Вот мой сыночек! Крошечка моя! Женя, а это - Дёгтев Платон Тимофеевич! Я на его счёт несколько заблуждалась. Он жив!

ЖЕНЯ. (сосредоточенно) Платон Тимофеевич?.. (вспомнил и гостеприимно протягивает руку) Платон Тимофеевич! Добро пожаловать! Вера, ты чего копаешься?

ВЕРА. (прискакивает на одной ноге) Я всё слышу! Милости просим! Туфлю не стащить! Нога распухла на нервной почве!

Женя приседает и помогает ей снять туфлю.

ВЕРА. (всё ещё на одной ноге, опирается на мужа и этим совершенно счастлива и торжествует над Эммой) Мама всегда помнила про вас! Перед пасхой нынче совсем плоха была, а всё-таки послала меня за упокой свечки ставить! Вам я часто ставлю! Ни разу не пропустила!

ЖЕНЯ. (предостерегающе) Вера!

ВЕРА. (уже на двух ногах) Ну и что, Женечка? Теперь за здоровье ставить будем!

ЖЕНЯ. Все голодные! Организуй!

ЭММА. А у меня всё есть! Я вмиг организую.

ВЕРА. Гость пришёл к нам!

СТАРИК. Не хлопчите! Я на диете уже лет тридцать!

ЭММА. Женечка, где стол сервировать будем?

ЖЕНЯ. У девчонок.

АННА ИВАНОВНА. (демонстративно Вере) Что это ты там в руках держишь, а не говоришь ничего?

ВЕРА. Ой! Письмо от Любы. Только что вынули из ящика.

АННА ИВАНОВНА. Надя звонила. Насчёт суда. Кто победил?

ЖЕНЯ. Восторжествовала справедливость!

АННА ИВАНОВНА. А судья говорила что-нибудь?

ЖЕНЯ. Судья молодая. Из новых. То один вопрос с подковыркой, то другой.

АННА ИВАНОВНА. Судье платили что-нибудь?

ЖЕНЯ. Судье - нет. Адвокату только. Толковый парень! Так и наскакивал петушком на наших врагов!

АННА ИВАНОВНА. Сумму отработывал?

ЖЕНЯ. А что делать? Сейчас без денег никто не человек!

АННА ИВАНОВНА. У врагов окончательный крах?

ЖЕНЯ. Придётся директрисе выложить из собственного кармана за три месяца вынужденного Веркиного прогула.

АННА ИВАНОВНА. Директриса была разочарована?

ЖЕНЯ. А неужели радовалась? Что ты чушь спрашиваешь?

АННА ИВАНОВНА. На лице отразилось?

ЖЕНЯ. В полной мере!

АННА ИВАНОВНА. А роль всё равно играла?

ЖЕНЯ. Рвала и метала! Сокрушалась, что могла бы Верку за политику уволить, когда ещё политика была. А она, мол, Верку тогда пожалела! И вот чёрная неблагодарность!

АННА ИВАНОВНА. Просто разорились с этим судом! А чего это за намёки на политику?

ЭММА. Действительно, любопытно!

ЖЕНЯ. А чего это она, правда?

ВЕРА. Не знаю. Может быть?... Помнишь, ты в журнале вычитал, что кулаков вообще не было?

ЖЕНЯ. Я знал это до того, как вычитал. Ну и что?

ВЕРА. Ну, я и сказала об этом на уроке, когда ещё коллективизация в программе была.

ЖЕНЯ. Любишь ты высовываться!

ВЕРА. Директриса тогда крик подняла! Ещё указаний менять историю не поступало.

Влепила выговор. А сейчас в истории кто что хочет, то и говорит. Всё равно никто никого не слушает!

ЖЕНЯ. Очнись! Тебе - пятьдесят три! Не девочка. Соображать пора начинать!

АННА ИВАНОВНА. Куда полезла? В политику! Это ж надо! Я в политике давно разочарована.

ЭММА. Нашим прекрасным цирюльницам раскрывать глаза на троцкистско-зиновьевский блок!

ВЕРА. Девочкам интересно было!

АННА ИВАНОВНА. Тебе - два года до пенсии! Что тебе этот блок? Что мы про них знаем?

Наплевать на них! Теперь я расстроюсь, всё буду думать! Когда был этот блок, а тебе последствия. Это очень опасная работа, Верочка, вблизи истории. Сильный риск!

СТАРИК. Вы, Вера...

ЖЕНЯ. (подсказывает) Николаевна.

СТАРИК. Вы, Вера Николаевна, абсолютно правы. Интерес к истории надо воспитывать с яслей. С яслей начинать!

ЖЕНЯ. (Вере) Кстати, насчёт начинать. Где-то ведь была начатая?

ВЕРА. В стенке. (Анне Ивановне) А вам я помогу праздничный халат надеть.

ЭММА. Правильно, Верочка! (Старику) А вас - на почётное место! (Уводит его в комнату девочек)

Женя в изолированной комнате ищет бутылку. Комната так плотно забита разнообразными вещами, скопившимися за всю жизнь, что при каждом Женином движении из неё что-то выпадает; детская обувь, пожелтевшие пачки газет, старые куклы...

Вера помогает Анне Ивановне облачиться в халат.

Эмма перетаскивает из большой комнаты в "девичью" журнальный столик и начинает его сервировать.

СТАРИК. (Никто его не слушает, да и он не слишком стремится быть услышанным, сказывается многолетняя привычка говорить с самим собой) Никто ничего не помнит...

Словно с него жизнь началась... отцы, дети... боролись... работали... Правду, правду, все должны знать правду... мы оболганы все... Правда - вот смысл... Я умру - и правда умрёт...

АННА ИВАНОВНА. Душно будет во фланелевом.

ВЕРА. А мы балкон откроем! Женечка! Открой балкон!

ЭММА. Я открою, Верочка! (Старику) Вас не просквозит?

СТАРИК. (Вздрагивает) Что? Кто? Где я? (Соображает) Да...да... Маруся... Да...

ЭММА. Вам плохо?

СТАРИК. Мне? Не знаю. Не важно.

ЭММА. Вы на сквозняке тут у нас получаете.

СТАРИК. Я пересяду. (пересаживается)

АННА ИВАНОВНА. (Вере) Подай зеркало!

Вера снимает в коридоре зеркало и устанавливает, придерживая, перед Анной Ивановной.

ВЕРА. Любуйтесь на себя!

Входит Женя с бутылкой.

АННА ИВАНОВНА. (рассматривает себя в зеркале) Бледна, но ещё очень интересна!

(Жене, гордо) Я сегодня путешествовала в уборную самостоятельно.

ЖЕНЯ. Не фантазируй!

АННА ИВАНОВНА. Я настаиваю.

ЖЕНЯ. Старая, не морочь голову!

АННА ИВАНОВНА. Свидетель есть! Дама!!! Подтвердите!!! Я ходила в уборную на ваших глазах, но без вашего участия.

ВЕРА. Мама, у нас гость.

АННА ИВАНОВНА. Я требую!

ЭММА. Не раздражайте пожилого человека! Уступите!

АННА ИВАНОВНА. Дама! Я в неприятном недоумении. Ходила я в уборную или нет?

ЭММА. Я никогда не буду с вами спорить.

АННА ИВАНОВНА. Нет, вы подтвердите! Дама!!! Я обращаюсь к вам! Вы же видели это собственными глазами!

ЖЕНЯ. (берёт мать на руки) Не расстраивайся! Тебя же на руках носят!

АННА ИВАНОВНА. Я хочу истины!

ЖЕНЯ. Эмма, подтверди ты ей, а то ведь мать всех изведёт.

ЭММА. Подтверждаю!

ЖЕНЯ. Видишь - Эмма всё подтверждает! Ходила, летала - всё подтверждает! Все верят!

АННА ИВАНОВНА. (чуть не плачет) Это...это...

ВЕРА. А чего это у вас, мама, носочки такие грязные?

АННА ИВАНОВНА. Да я же ногами ходила, ногами!!!

ВЕРА. (Жене) Стой!!!

Женя замирает с матерью на руках.

ВЕРА. (кидается целовать Анну Ивановну) Мамочка сама ходила в уборную! Сама! Женя! Она сама! Сама ходила в уборную! Какое счастье! Какое счастье!

ЖЕНЯ. Да осторожнее вы, малахольные! Куда мать опускать?

ВЕРА. Сюда, сюда, поближе к Платону Тимофеевичу. Им есть о чём поговорить! Вам удобно, мамочка?

АННА ИВАНОВНА. Я очень люблю тебя, Верочка.

ВЕРА. Женечка, наливай всем!

ЭММА. (Старику) Что вам положить, наш дорогой гость?

СТАРИК. Я не пью и не ем. Уже лет тридцать... Да... как с Марусей того... прогнала меня, так эта язва ко мне и прицепилась. Стараюсь внимания не уделять, но не всегда получается. Впрочем, пустяки всё это...

ЖЕНЯ. (наливает ему) Тогда пусть стоит. (матери) Будешь, Старая?

АННА ИВАНОВНА. Наливай! Я пока ещё не в царствии небесном!

ЖЕНЯ. (Эмме) Будешь?

ЭММА. Главное- не увлекайся. Нам ещё ехать. А выпить можем и у меня!

ЖЕНЯ. Такси возьмём. (Старику) Где остановились? Если положение совсем безвыходное, можно и у нас. Правда, разгром, но для вас место расчистим.

СТАРИК. Я в гостинице.

ЖЕНЯ. (наливает Вере) Тебе надо расслабиться. (встаёт с рюмкой) Мы все знаем, какой сегодня день!

АННА ИВАНОВНА. (Старику) Возьмите рюмку, а то стоит, как перед покойником. Другим неприятно. Молчу, Крошечка, молчу!

ЖЕНЯ. Мы все знаем, какой сегодня день!

ЭММА. В моей жизни самый счастливый.

ЖЕНЯ. Сегодня началась война. На которой пал мой отец.

ЭММА. Ой, верно! (засмеялась) Сегодня же двадцать второе июня!

ЖЕНЯ. Мы с мамой так и не знаем, где и как он погиб! За твою гибель, папа! За твой подвиг! За славу нашей родины! Я родился, папа, после твоей гибели и даже не знаю, где твоя могила. За тебя, папа! За победу! (выпивает)

Все выпивают, стоя. И Старик.

ВЕРА. Закусывайте, мама!

ЭММА. (Жене проникновенно) Как волнительно ты сказал! (суёт ему в рот паштет) Вкусненько?

ЖЕНЯ. Нормально. Я сам поем. (снова наливает всем, смотрит на бутылку) Не разгуляешься!

ВЕРА. Частишь!

ЭММА. Кусь-кусь! (суёт Жене в рот пластик колбасы)

АННА ИВАНОВНА. Женя, пресеки представление! Она всем действует на нервы!

ЭММА. Какая тут духота!

ВЕРА. (Жене очень сухо) Не увлекайся! Тебе уже было сегодня плохо.

ЭММА. Сердце!!! Почему от меня всё скрывают?! (вскакивает) Так больше не может продолжаться!

ЖЕНЯ. Сядь, не ерунди!

ЭММА. Это не ерунда! У меня нервы уже на пределе! Я едва держусь! Вера, что с ним было?

ВЕРА. Эмма, я вызову тебе такси! У нас гость. И вообще нам всем надо отдохнуть!

ЭММА. Поехали, Женя! Нас гонят!

ВЕРА. Его никто не гонит. Он у себя дома.

АННА ИВАНОВНА. (Старику) У нас очень напряжённая обстановка. Наверное, вы и сами обратили внимание?

СТАРИК. Я неожиданно... Да... Но это важно, очень важно... И срочно! Срочно, Ньюра!

АННА ИВАНОВНА. Вы, Платон Тимофеевич, не обижайтесь на меня... Я вам рада.

Просто у нас страшные события!

ВЕРА. Меня с работы уволили по статье. Всю весну судилась.

АННА ИВАНОВНА. Телевизор взорвался. Новый.

ВЕРА. Женя и маму тащил, и пожар гасил, и сам чуть не задохнулся. А потом инфаркт. И я то по судам, то по больницам. И всё разные концы. Но вы не мешаете. Вам мы рады.

АННА ИВАНОВНА. Главное- кончилось благополучно. Все живы.

СТАРИК. (Вере) За что же вас уволили?

ВЕРА. А наша директриса не терпит других мнений. Мстит.

ЖЕНЯ. А чего связывалась, если знала заранее? Главное всё вместе - и уволили, и телевизор.

ВЕРА. Но она отчислила беременную Лебедеву!

ЖЕНЯ. Ну и наплевать на эту Лебедеву!

ВЕРА. Лебедевой - шестнадцать. Приходила мать, плакала.

ЖЕНЯ. Они только и способны плакать.

ВЕРА. А куда пойдёт Лебедева, если её выгнать из училища? Она такая хорошенькая, что сразу пополнит ряды, сам понимаешь, кого. А ей лучше получить профессию, работать, содержать ребёнка. Иначе общество потеряет сразу двух граждан.

ЖЕНЯ. Всё! Сейчас заплачу. Эта твоя гражданка даже на суд не изволила явиться!

Главный свидетель. Сколько канители из-за того, что она не явилась.

ВЕРА. Она - кормящая мать.

ЖЕНЯ. Ты - тоже кормящая мать! У тебя двое детей. Причём, законные. А из-за этой Лебедевой на адвокате разорились. И нервотрёпки сколько! И телевизор ещё взорвался! Через два дня после того, как кончилась гарантия.

ВЕРА. А Лебедева чем виновата? Не она телевизор делала!

ЖЕНЯ. Не она делала! Дурацкий разговор!

АННА ИВАНОВНА. Не нервничай, Крошка! Все живы!

ЭММА. Я признаю только японские телевизоры! Только!

АННА ИВАНОВНА. Японские? Первый раз слышу! Неужели вы по-японски понимаете?

ЖЕНЯ. Кого интересуется, что признаю я?!

ВЕРА. (погладила Женю по голове) Седой стал незаметно как-то...

ЖЕНЯ. (мирно) Ладно. Кончилась эпопея. Придём в себя. (раздражённо) Что ты вздыхаешь, как великомученица? Можно подумать - мне легче?

ВЕРА. Вспомнила Любино письмо. Надоело ей в лагере.

ЖЕНЯ. Перебьётся. Досидит.

ВЕРА. А Надю по командировкам загоняли. У всех дети, а она одна безотказная.

ЖЕНЯ. Не трагедия!

ВЕРА. Обещали девочкам, что на море все вместе поедem. Они весь год ждали.

ЖЕНЯ. А мать куда, по-твоему?

АННА ИВАНОВНА. (быстро) Не возражаю! Отмучаюсь как-нибудь без вас две недели. Поезжайте семьёй. Отдохните. Развеемся.

ЖЕНЯ. Ты же была против?

АННА ИВАНОВНА. Поумнела.

ЭММА. Какое море?! Надо срочно заниматься разменом!

ВЕРА. Всё-всё! У нас гость! Внимание гостю.

Междугородний звонок. Вера хватает трубку.

ВЕРА. Наденька! Доченька! Плохо слышно! А тебе слышно? Тогда я буду говорить! Суд? Всё хорошо! Бабуля? Сама в уборную ходила! Не преувеличиваю ни капельки! Именно сама!!! А сейчас у неё гость! Интересный мужчина! На юг? Да!!! Едем!!! Бабуля согласилась на мою маму! Бабуля побудет с моей мамой! Потерпит!

ЖЕНЯ. У нее - ночь. Что она с утра не может позвонить?

ВЕРА. (в трубку) Папа говорит - у тебя ночь! (Жене) Верно - ночь.

ЖЕНЯ. Я и без неё знаю.

ВЕРА. (В трубку) Откуда звонишь? (Жене) С почты.

ЖЕНЯ. Там хулиганья полно!

ВЕРА. (в трубку) А как ты обратно пойдёшь? (Жене) Она говорит - там полгода светло. Ночь, но светло.

ЖЕНЯ. Без неё известно.

ВЕРА. (в трубку) Папа всё знает.

ЖЕНЯ. Ночь и хулиганье.

ВЕРА. (В трубку) А тебя провожают? Неудобно говорить? Он рядом? Отвечай нейтральным голосом - да, нет.

ЖЕНЯ. Кто там ещё рядом?

ВЕРА. (В трубку) Да или нет. Он женатый?

ЖЕНЯ. Женатых нам не надо! Это только одна канитель.

ВЕРА. Папа ругается, что женатый.

ЖЕНЯ. Но пусть проводит.

ВЕРА. Но папа велит тебе, чтобы он тебя всё равно проводил. Мы с папой целуем тебя! Очень скучаем! Больше не звони! Деньги не трать! (вешает трубку) Там светло. Это совсем другое дело, когда светло. И не душно. (Старику) Вам повезло. Женя в отпуске. Повозит по магазинам. И вообще.

ЖЕНЯ. Легко.

СТАРИК. (С отчаяньем) Да дело у меня к Анне Ивановне, дело! Важное и срочное! Ведь с нами-то уже как - сегодня - живы, завтра - жили. А у меня дело, дело!

ЖЕНЯ. Хватит! Все слушаем Платона Тимофеевича!

СТАРИК. Я летел сюда, чтобы...

Звонок в дверь.

АННА ИВАНОВНА. (крайне изумлённо) Кто это?

ВЕРА. Я открою.

Вера открывает. Перед ней нетрезвый молодой человек - Кеша.

КЕША. (доброжелательно) Любу!

ВЕРА. Любы нет. (хочет закрыть дверь, но Кеша не даёт, подставляет ногу) В чём дело, молодой человек?

КЕША. Любу позовите!

ВЕРА. Любы нет!

КЕША. На два слова, мамаша!

ВЕРА. (кричит) Женя!

КЕША. Женю не надо! Любу!

ЖЕНЯ. (спешит, ещё издали агрессивно) Чего надо?

КЕША. Всё так же - Любу.

ЖЕНЯ. Зачем это?

КЕША. Договорились.

ЖЕНЯ. Нечего с ней договариваться. У неё родители есть.

КЕША. Какое совпадение. А я сирота. Приятно познакомиться. Круглый сирота.

ЖЕНЯ. Тебя усыновить не могу. Убери ногу!

КЕША. А Люба не предупредила, что у неё такие хорошие родители! Сюрприз получился! Рад. Кеша. Невинный. Это в переводе с греческого. А почему вы всё время меня так или иначе, но толкаете?

ЖЕНЯ. Слушай, Невинный! Ступай - проспись!

КЕША. Можно и просто Кеша. А вас как?

ЖЕНЯ. Иди-иди! (вытесняет Кешину ногу, но тот быстро подсовывает руку)

ВЕРА. Женя, осторожно! Руку прищемишь!

КЕША. Дайте Любу на три секунды! Пожалуйста!

ЖЕНЯ. Молодой человек! Люба вам не подходит. У неё ещё нет паспорта и сейчас она вообще в лагере.

КЕША. За что?!

ЖЕНЯ. Просто в лагере "Костёр", в Рощино.

КЕША. В Рощино? Костёр? Знаю.

Подходит Эмма.

КЕША. (Эмме) Девчонка! Кликни Любу!

ЭММА. (польщённая, смеётся) Это что за экземпляр?

КЕША. Я люблю Любу с первого взгляда.

ЭММА. Люба в лагере.

ЖЕНЯ. (резко выталкивает Кешу и захлопывает дверь) Я ей всыплю любовь с первого взгляда! (возвращается в комнату)

Женщины за ним. Эмма смеётся.

АННА ИВАНОВНА. Кто звонил?

ВЕРА. Молодой человек.

АННА ИВАНОВНА. Молодой человек?! К кому?

ЖЕНЯ. Не к тебе же, Старая!

АННА ИВАНОВНА. К Наде?

ЭММА. К Любе.

АННА ИВАНОВНА. К Любе кавалеры начали ходить?

ВЕРА. Какие кавалеры? Зашёл молодой человек, нетрезвый...

АННА ИВАНОВНА. У Любы пьющий кавалер? (Жене) Это ты её распустил. Надку в строгости держали, а Любку ты распустил!

ВЕРА. Из-за вашей строгости она и замуж до сих пор не вышла! Двадцать шесть лет!

АННА ИВАНОВНА. Неужели теперь Любку в пятнадцать замуж отдать? За пьющего?!

ЖЕНЯ. Уймись! Никто её замуж отдавать не собирается.

АННА ИВАНОВНА. Главное - пьющий. Нам это сразу не подходит!

ЖЕНЯ. Ноги его здесь не будет! Всё!!! Забыли! Платон Тимофеевич, извините, что перебили вас...

Звонок.

АННА ИВАНОВНА. Это он! Какой нахальный - подумать только!

Звонок непрерывный.

ЖЕНЯ. Никто не открывайте!

Звонок непрерывный. Женя резко направляется к двери. Открыл. Кеша. Звонок звонит.

ЖЕНЯ. (освобождает звонок, куда было что-то вставлено; звонок смолкает) Ещё чего придумаешь? Спички в чужой звонок вставлять. Совсем ума нет?

КЕША. Извините, что разбудил. В последний раз.

ЖЕНЯ. Что надо?

КЕША. Может вы хотите что-то Любе передать. Я еду к ней, в Рощино, в "Костёр".

ЖЕНЯ. Ехать не надо. Домой и проспись!

КЕША. Не волнуйтесь за меня! Я - на мотоцикле.

ЖЕНЯ. (решительно) Заходи!

КЕША. Спасибо. Я и тут всё понимаю.

ЖЕНЯ. Зачем ночью ехать?

КЕША. К Любе.

ЖЕНЯ. Давай заходи!

КЕША. Не хочу вас беспокоить.

ЖЕНЯ. Я сказал - заходи!

КЕША. Будете бить?

ЖЕНЯ. Кому ты нужен? Бить! Посидишь с нами!

ВЕРА. (подходит) Зачем он нужен?

ЖЕНЯ. Собрался ночью навестить Любку.

ВЕРА. (сразу меняет тон) Проходите, проходите, молодой человек! Не стесняйтесь!

Все проходят в комнату.

КЕША. У вас - общество. Здравствуйте! Как это приятно, когда ночью общество. Я не лишний?

ВЕРА. Сядьте и сидите, пока не протрезвеете. Женя, налей ему!

ЭММА. Я поухаживаю за молодым человеком. (Кеше) Что вы на меня так смотрите?

КЕША. Вы - эффектная женщина! (спохватывается и Вере) Вы - тоже. (Анне Ивановне) И вы тоже!

АННА ИВАНОВНА. Это и есть Любкин кавалер?

КЕША. Иннокентий. Невинный. В переводе с греческого.

АННА ИВАНОВНА. Он ещё и грек?

ЖЕНЯ. Турок.

АННА ИВАНОВНА. Это неожиданность для меня! Никак не надеялась сегодня принимать ни турков, ни греков.

ЭММА. (Кеше) А Люба красивая?

КЕША. Голос красивый.

ЭММА. А в целом?

КЕША. Не разглядел. Темно было.

ЖЕНЯ. Где это ты с ней впотьмах находился?

КЕША. А вот мыслей не надо! Мы на улице познакомились. Прямо у вашего подъезда.

ВЕРА. Иона дала адрес?

КЕША. Лично показала.

ЭММА. Не расстраивайтесь, они все сейчас... Я сужу по нашему училищу!

ВЕРА. Я не желаю публично обсуждать поведение нашей дочери!

ЖЕНЯ. Нечего обсуждать! Всыпать и всё!

КЕША. Заверю всех - никакого поведения вообще не было!

ВЕРА. (Жене) Завтра с утра в лагерь! Всыплешь ей, а потом втроём погуляем по заливу!

ЭММА. Не паникуйте! Я всё-таки в этом профессионал и...

ВЕРА. (перебивает) Посторонних просим не беспокоиться. Сами разберёмся!

ЭММА. Невозможная духота! (Кеше) А вы что паритесь? Снимите куртку! Ого, какие бицепсы! Спортсмен?

КЕША. Иногда.

АННА ИВАНОВНА. (внезапно) Человек на аэроплане прилетел неизвестно откуда, а вы ему слова сказать не даёте! Говорите, Платон Тимофеевич! Не обращайтесь на них внимания!

ВЕРА. Конечно, говорите! Будем чай пить и слушать только вас! (собирает и уносит посуду)

АННА ИВАНОВНА. (Старику) Говорите!

СТАРИК. Что говорить?

АННА ИВАНОВНА. А что в голову придёт, то и говорите! Про покойную Марусю можно!

СТАРИК. С Марусей давно разошлись. Дочь и я тоже разные люди.

АННА ИВАНОВНА. Люди все разные, слава Тебе Господи! А что слышно про дочку?

СТАРИК. Поёт. На похороны из Италии прилетела.

ЭММА. У меня дочь тоже в Испании. Но не поёт, конечно, а просто замужем. За арабом.

КЕША. Какие интересные люди тут собрались! А мне осенью в армию. Вполне возможно - на войну. Странно - война, а никто внимания не обращает. О главном молчок. Там же убивают, а я бы хотел пожить. Чего я ещё видел-то? Кто мне ответит - почему всё так?

ВЕРА. (из кухни) Женя! Помоги!

Женя собирает оставшуюся посуду и уносит.

СТАРИК. Я не про дочь говорить приехал.

АННА ИВАНОВНА. Тогда - про что угодно. Полвека не видались.

СТАРИК. Вернулся в пятьдесят...неважно. Стал жить с Марусей. Дочка пела в Большом театре. Однажды говорит - еду на гастроли за границу, может там и останусь. Я сейчас к

ним в партком - так и так. Дочь пыталась покончить самоубийством, чуть голоса не лишилась. Есть вещи поважнее колоратурного сопрано! Маруся от меня отреклась. Пятнадцать лет ждала, а тут отреклась. И вот вчера увидел обоих. Дочь по заграницам своё сопрано треплет. Но на похороны явилась, не побоялась.

КЕША. А чего теперь бояться? Вот по телевизору вообще изменник родины выступал! В гости приехал. Ему говорят - живите у нас, вы тут всех уважаемей! А он в ответ улыбается - я теперь уже отвык в холерном бараке жить. Это намёк - мы в холерном бараке живём! Не знаю, что думать мне лично. Я проживаю в общежитии, работаю, осенью в армию пойду. Может, на войне погибну или сгину без вести. Зарплату получаю неаккуратно. Голова часто болит. Врач сказал - плохо питаюсь. Теперь думаю над этим, но в целом- пока ничего не придумал.

АННА ИВАНОВНА. Молодые в последнее время стали умные необыкновенно. Я даже не знаю, о чём с ними говорить! (Кеше) Ты кушай, кушай побольше! Не отвлекайся! Эмма выходит на кухню. Там оказывается милая атмосфера. Женя моет посуду. Вера наставляет на поднос к чаю.

ВЕРА. (продолжает) В восемнадцать такая хорошенькая сделалась неожиданно... загорелая, в голубом купальнике, с серебряной птицей на груди... Я в коммиссионке купила. Грузины её глазами пожирали. А ты весь отпуск сердился!

ЭММА. Женечка, нам пора!

ВЕРА. Я могу поговорить о своих дочках? У себя дома.

ЭММА. Я не с тобой говорю! Женя, через сколько мы уезжаем?

ЖЕНЯ. (Эмме) Сейчас, сейчас... Иди в комнату! Я - сейчас!

Эмма возвращается в комнату.

СТАРИК. ...меня арестовали, а Маруся побежала к тебе.

АННА ИВАНОВНА. Ночью... плакала... просила спрятать бумаги... промокла... шептались в дверях.

СТАРИК. Всё это не важно.

КЕША. Неожиданно в лице вас я встретился с героями книг.

ЭММА. (Кеше) Покурим?

КЕША. К сожалению, не обладаю сигаретами.

ЭММА. Я обладаю.

Эмма и Кеша выходят на балкон.

СТАРИК. Ты сохранила бумаги?

АННА ИВАНОВНА. Сожгла. Здравый смысл у меня был всегда.

СТАРИК. Когда бросила в огонь, думала о сегодняшнем дне?

АННА ИВАНОВНА. (изумлённо) О сегодняшнем?

СТАРИК. Погиб исторический документ.

АННА ИВАНОВНА. Зато вы живы, Платон Тимофеевич! Даст Бог и с дочкой помириться.

СТАРИК. А-ааа (машет рукой)

Молчат. Эмма и Кеша на балконе.

КЕША. Вон там моя общага.

ЭММА. Безумно увлекательно.

КЕША. Вам смешно, а мне нет. Потому что вы безумно мне нравитесь!

ЭММА. Накиньте лучше на меня куртку. Прохладно стало. И чаю не дают.

Кеша снимает куртку и подаёт Эмме.

ЭММА. А, если поухаживать?

КЕША. Извиняюсь. (накидывает куртку на Эмму)

ЭММА. И это всё?

КЕША. А чего?

ЭММА. (заигрывающе смеётся) Тогда - ничего.

КЕША. А что в принципе я могу себе позволить? Подскажите мне!

ЭММА. Какая прелесть!

КЕША. Вам всё время весело. Конечно, в армию не идти.

ЭММА. Мне - весело? (с горечью) Будьте хоть вы женщиной!

КЕША. Я? А вы мне в морду не дадите?

ЭММА. В моём возрасте за это уже не дают в морду.

КЕША. Я вас правильно понимаю? Как вы считаете?

ЭММА. Надеюсь.

Кеша как-то наскоком обнимает Эмму.

В комнате.

АННА ИВАНОВНА. Опять виновата! Что думала? Обыкновенно - по человечески. Сутки у печки просидела, огонь поддерживала, а саму всю знобило со страху у печки-то. А у хозяина часы били и били. Только отобьют - и снова. Пришли под утро. Я сразу всё в огонь. Проследила - сгорели. Хочу идти открывать, а сама сплю. Часы бьют, в дверь стучат. Иду открывать - обнаруживаю, что сплю. Очнулась - в дверь ломятся. Потом меня трясут. Спрашивают. А я сплю. Очень температура высокая у меня поднялась. Но и через сон, и через температуру держала себя под контролем.

СТАРИК. Тебя же спрятать попросили!

АННА ИВАНОВНА. А куда от них тогда можно было что-то спрятать?

СТАРИК. Чего же сразу не сожгла?

АННА ИВАНОВНА. Из любезности. Сидела у печки, старалась наизусть выучить.

СТАРИК. Наизусть?

АННА ИВАНОВНА. Всё же не окончательно сжечь.

СТАРИК. И можешь восстановить?

АННА ИВАНОВНА. Не знаю. Всё это было давно и неправда!

СТАРИК. Нюра! Ты должна отдать свой долг истории!

Возвращаются Вера и Женя. Несут поднос и чайник.

ЖЕНЯ. Старая, ты истории задолжала? И много?

СТАРИК. Много ли мало, но долги отдавать надо. Должен быть порядок!

ЖЕНЯ. И мне можно получить?

СТАРИК. Что получить?

ЖЕНЯ. Долги! Или это только в одностороннем порядке?

СТАРИК. Какие долги?

ЖЕНЯ. Хотя бы денежные!

СТАРИК. Нюра, я не понимаю.

АННА ИВАНОВНА. Крошечка, говори обыкновенно! Не умничай!

ЖЕНЯ. Телевизор взорвался! Мои трудовые сгорели! Когда покупали телевизор, он был отечественный, а, когда сгорел, уже оказался импортным. Из ближнего зарубежья. И тютю! У Старой - ожог и переломы. У меня инфаркт. Сколько в больницах переплачено! А ремонт! А жену уволили! Отпуск пропал! Кто пошёл на мою семью войной? Кто нас разорил, унизил и завоевал? С кого требовать? С кем бороться? Кому жаловаться? Некому! Не с кого! Не с кем! Давайте чай пить!

ВЕРА. Сегодня удачный день. Вот даже варенье нашлось. Прошлогоднее. (Старику) Для вас.(разливает чай)

СТАРИК. (пробует варенье) Спасибо. Очень вкусно. Это из чего? Из ягод?

ВЕРА. Из черники.

СТАРИК. Черника? Помню!

ВЕРА. А где эта?

ЖЕНЯ. Ушла домой, наверное.

ВЕРА. А этот? Невинный? Вместе ушли?

АННА ИВАНОВНА. И вот гадают! На балконе курят.

Вера выходит на балкон. Эмма и Кеша целуются.

ВЕРА. Что вообще происходит в моём доме?!

Действие второе

Эмма и Кеша целуются на балконе. Из комнаты едва слышно доносятся голоса Старика и Анны Ивановны. Позже - голоса Веры и Жени.

КЕША. Вы так целуетесь, так целуетесь.

ЭММА. Это моя профессия.

КЕША. (с трепетным восхищением) Вы - валютная проститутка?

ЭММА. Что? Чего-чего? (смеётся, но заметно, что польщена) Почему валютная?

КЕША. Вы сказали - профессия.

ЭММА. Я преподаю. Сексуальное воспитание.

КЕША. У вас наверное все отличники.

ЭММА. Маленький негодяй! Тебе хорошо со мной?

КЕША. Да. Я даже армии перестал бояться возле вас.

ЭММА. Ну-ну-ну... Не буду отбивать мальчика у девочки Любы с красивым голосом.

КЕША. (обиженно) С Любой всё кончено. Она меня пригласила, а сама уехала.

ЭММА. А мы её наказали! Мы всех наказали! Но это наш маленький секрет. Ты уже почти научился целоваться. Контрольный урок. (Целует его)

ВЕРА. (выходит на балкон) Что вообще происходит в моём доме?

ЭММА. (решительно) Курим. В комнате душно. (закуривает)

ВЕРА. Возмутительно. Да ты... ты в два... с половиной раза старше его!

ЭММА. Когда-нибудь и тебе повезёт, Верочка! У меня успех у мужчин. Это не всем дано, не всем.

ВЕРА. Он пришёл к моей дочери! (отчаянно зовёт) Женя! Женя!

ЭММА. Как ты любишь скандалы!

КЕША. Не понимаю! Я полюбил. Это моё личное дело. Разве не так? (Эмме) Как вас зовут?

ЭММА. Помолчи, ради Бога!

КЕША. Я полюбил. Ну и что в два с половиной? Это сколько же?

ВЕРА. Женя!!!

КЕША. А с вашей дочерью, которая... Я сам. Она поймёт. Восемнадцать на два с половиной.

ВЕРА. Женя! Да поди же сюда!

КЕША. Не может быть!

ЖЕНЯ. (заходит на балкон) Ну что ещё у вас?

ВЕРА. У нас растут две дочери!

ЭММА. (быстро) Она всё лжёт!

ЖЕНЯ. (Эмме) Что случилось?

ЭММА. Ничего! Очередная провокация.

ЖЕНЯ. (Вере) Из-за чего шум?

ВЕРА. У нас растут две дочери. (про Эмму) Пусть сама скажет, чем она тут занималась. Такого в нашем доме ещё не было!

ЖЕНЯ. (Эмме неохотно) Чем занималась?

ЭММА. Я?! Курила!!!

ВЕРА. Наглость какая!

ЖЕНЯ. Всех спрашиваю в последний раз.

ВЕРА. Меня - убил бы уже! А её сто раз спрашиваешь!

ЭММА. (Жене) И ты позволяешь? В твоём доме?

ВЕРА. Я всегда думала, что ты мужчина! А ты только со мной, оказывается, мужчина!

ЖЕНЯ. (внезапно Кеше) А ты что скажешь?

КЕША. А кто тут кому кто?

ВЕРА. (с пафосом) Я прожила с тобой тридцать лет, и мне...

ЖЕНЯ. Ты ещё с Петра Первого начни! (орёт) Что стряслось?!!

ЭММА. Я лично не в курсе.

ВЕРА. Пусть скажут - чем они тут занимались!

ЖЕНЯ. Ну и чем? Спрашиваю в последний раз.

ЭММА. Курили! Неужели ты не видишь, что она использует всё? И твою мать! И твоих детей! И суд! И даже этого мальчика, который вообще с луны свалился! Все средства хороши, лишь бы разлучить нас! (рыдает у Жени на груди) Ей нет никакого дела, до того как мы любим друг друга! Это у нас с тобой последняя любовь, Женя! Последняя!

ВЕРА. Я видела собственными глазами!

ЭММА. Ложь! Мы сейчас же уезжаем, Женя! Сейчас же!

ЖЕНЯ. Ну как я всё брошу и сию минуту сорвусь?! Поедем, да. Позже.

ЭММА. Я подожду. Я всё стерплю.

ВЕРА. (Жене) Она тебя за дурака держит! А ты - просто идиот!

ЖЕНЯ. Разбирайтесь сами! (возвращается в комнату и садится пить чай)

ВЕРА. (Эмме) Собралась уехать? Тебя никто не держит! Абсолютно никто! Уверяю - никто не заплачет тут без тебя!

ЭММА. (смеётся, идёт в комнату, проходит мимо Жени и треплет его по волосам) Осенью будем в Испании, будем осенью в Испании... (выходит в коридор)

ВЕРА. (идёт за ней) А сейчас - лето! Лето! И это мой дом. И это мой муж. Уводи его! А не можешь - проваливай в свой дом!

Забытый всеми Кеша притуляется на балконе.

ЭММА. (в коридоре Вере) Я не могу оставить Женю тут одного!

ВЕРА. У Жени - семья. Ты забыла? У него - семья. Семья у него! Да! Вот такая мелочь! Семья!

ЭММА. Веры, ты смешна. Очень смешна. Очень!

ВЕРА. Ничего! Тридцать лет прожили - ни разу не смеялся.

ЭММА. Что ты можешь ему дать? Ну что? Что дать? Что бы он вкалывал на всех вас?

ВЕРА. И я вкалываю! Всю жизнь! На полторы ставки! Как все приличные люди!

ЭММА. Ест, что попало. Одет, во что попало!

ВЕРА. Я всю жизнь готовлю. Пока никто не отравился! Все только хвалят. И он одет!

Всегда одет во всё! Это ложь! Он всегда одет. Это я раздета, а он у меня всегда одет!

ЭММА. Что ты можешь дать? Этот разгром? Разруху?

ВЕРА. Сейчас все так. Вся страна. Все, кто не ворует!

ЭММА. Нищета! Теснота! Бесконечные его хлопоты, чтобы всё хоть как-то держалось на плаву!

ВЕРА. Но мы все его любим! Я люблю его, Эмма!

ЭММА. Любишь? Ну и что? А он? Молчишь? Да на тебя польстится только слепой на необитаемом острове! Женщин, Верочка, любят не за то, что они всю жизнь вкалывают и терпят капризы сумасшедшей свекрови! Это достоинства прислуги, а не женщины!

ВЕРА. (распахивает входную дверь) Убирайся! Или я за себя не отвечаю.

ЭММА. Меня сквозняками не запугаешь! (забирает из коридора свою сумку и скрывается в ванной)

Вера остаётся стоять у открытой двери, исполненная достоинства и пафоса, пропадающих все.

ЛЮБА. (входит с огромным чемоданом) Мамура!

Вера сильно вздрагивает.

ЛЮБА. Мать, ты меня напугала.

ВЕРА. Что ещё случилось?

ЛЮБА. Мамура, я не дефективная, чтобы днём спать. Еле доволокла этот идиотский чемодан.

ВЕРА. А размалевалась-то! В честь чего это?

ЛЮБА. А что - чушкой в метро ехать?

ВЕРА. Мой лицо, пока отец не засёк. Ванна занята. В кухню!

Люба пожимает плечами, идёт в кухню, моет лицо, но так, чтобы много не смыть. Вера очухивается и захлопывает дверь.

ЛЮБА. Меня ждала в дверях, что ли?

ВЕРА. (подходит к ней) Лицо мой как следует!

ЛЮБА. Рада, что дочка приехала?

ВЕРА. Ужасно!

ЛЮБА. Ну и лицо состроила! Ладно, не обижаюсь. Родителей не выбирают. Мне ещё приличные достались.

ВЕРА. Спасибо!

ЛЮБА. Поцеловала бы! Мать называется!

Вера смеётся, целует её и идёт в комнату.

В комнате.

АННА ИВАНОВНА. Ничего не подписывала. Спать не давали. Тяжело. А выдержать всё-таки можно. Но спать хотела. И опять же температура высокая! И всё-таки, я роль играла - и что спать хочу и что температура. Прибавляла. Бредила, но и следила, что в бреду говорю. Сомнения были сильные. Я же не знала ваши соображения. Вдруг признаётся.

Тогда мой финал ясен и печален. Сильно я от вас зависела. Большой риск, но не хотела вас губить. А теперь и вам, и Марусе, Царствие ей небесное, благодарна. И собой горжусь - не сплеховала. И каждый из нас в итоге прожил жизнь. И мог сам выбирать - так или иначе.

СТАРИК. Не важно всё это, Нюра, не важно.

АННА ИВАНОВНА. А что важно? Да какое дело-то у вас?

СТАРИК. Сейчас, сейчас, соберусь с мыслями.

ВЕРА. (встревает в паузу) Дочь явилась!

АННА ИВАНОВНА. Откуда?

ВЕРА. Из лагеря.

АННА ИВАНОВНА. Чего так поздно?

ЖЕНЯ. Где поздно? На десять дней раньше!

АННА ИВАНОВНА. А который час?

ЖЕНЯ. (смотрит на часы) Одиннадцатый. Часы пошли, чёрт бы их побрал!

АННА ИВАНОВНА. Меня ничего не касается. У неё родители, слава Богу, есть.

ЛЮБА. (входит) Папура! Ты здесь?

ЖЕНЯ. А где я должен быть по-твоему?

ЛЮБА. А в ванной кто?

ЖЕНЯ. Я с тобой сейчас разберусь!

ЛЮБА. (отскакивает от него) Потихе, потихе, накормите сначала.

ВЕРА. Вот именно. (Жене) Сейчас гости уйдут - и разберёшься. (Любе) Папа разберется с тобой, будь спокойна!

ЛЮБА. Бабура! (целует Анну Ивановну)

АННА ИВАНОВНА. (Старику, гордо) Внучка! Характер худой! Во всём разочарована, всё знает. Но умная! Чего не коснись - своё мнение.

СТАРИК. (Любе) Во что вы верите?

ЛЮБА. (изумлённо) Я?! (Анне Ивановне) А кто это?

АННА ИВАНОВНА. Ты как со стариками? С ума сошла!

ЛЮБА. (Старику) В своих верю.

СТАРИК. А кто это - свои?

ЛЮБА. (не переставая изумляться) Мама, папа, Надька, бабура...

СТАРИК. Я не вас лично имею в виду.

ЛЮБА. А кого?

СТАРИК. Вообще. Во что верит ваше поколение?

ЛЮБА. Откуда я знаю? Я же не ходила, не спрашивала!

АННА ИВАНОВНА. Любка! Веди себя!

СТАРИК. Всё рушится, всё распадается.

ЛЮБА. А я за всё возьмусь! Папура, мамура, я помогу! Мы справимся с ремонтом!

СТАРИК. Я не о вашем доме, Люба! Ваш дом как раз прочен. Рушится то, за что я всю жизнь боролся.

ЛЮБА. А с кем вы боролись?

СТАРИК. Со всем народом.

ЛЮБА. А за что боролись-то?

СТАРИК. За то, чтоб ты жила правильно.

ЛЮБА. В переносном смысле или правда - я лично?

СТАРИК. И ты лично?

ЛЮБА. Я тут не при чём. Я же не сирота. Наверное вы боролись, чтобы лично ваши дети жили правильно?

АННА ИВАНОВНА. (Любе) Опять умничаешь! (Старику) Какое дело? Говорите! А то весь вечер добратся не можем! Обстановка у нас неподходящая, но всё же лучше, чем была в тридцать седьмом! Куда как лучше. Я всегда настаиваю, что прогресс движется. Говорите!

ЭММА. (входит; снова переоделась, элегантная и решительная) Я готова, Женя! Уезжаем!

АННА ИВАНОВНА. Что она говорит? Женя, что она говорит? Повтори мне, я же не слышу! (Старику) То одно, то другое. И так всю жизнь. А ничего не поделаешь!

ЛЮБА. Бабура, что тут опять?

ЭММА. Люба! А ты как здесь оказалась?

ЛЮБА. Я? Я в родном доме! Что происходит?

АННА ИВАНОВНА. Спрашивай с родителей! Я никогда не во что не вмешиваюсь.

ЛЮБА. Мамура!

ВЕРА. Сиди и ешь!

ЛЮБА. Папура, прошу меня учитывать!

ЭММА. Женя, надо сказать!

ЖЕНЯ. Не самый подходящий момент.

АННА ИВАНОВНА. Вера, о чём они переговариваются у нас за спиной?

ЛЮБА. Что мне сказать? Какой момент?

ЖЕНЯ. Ничего. Ешь!

ЛЮБА. Что-то с Надькой? Бабура! Я застрелюсь!

АННА ИВАНОВНА. Я в стороне.

ЛЮБА. Мамура, тебя совсем засудили, что ли?

ВЕРА. Меня восстановили.

ЛЮБА. А на юг мы едем?

АННА ИВАНОВНА. (патетически) Жертвую собой! Только ты, Верка, вели своей матери, чтоб она ко мне с горчичниками не приставала! У неё манера - чуть что горчичники!

ВЕРА. (кротко) Хорошо, мама.

АННА ИВАНОВНА. И поезжайте спокойно. А я, со своей стороны, всё вытерплю. Моя кобыла увязла.

ЭММА. (на повышенных тонах) Женя! Я жду тебя!

ЛЮБА. А ты куда собрался, папура? Та-ак. За полный нуль держите! А я требую!

АННА ИВАНОВНА. (указывает на Эмму) Эта твоего папу понарошке отбивает!

ЛЮБА. В каком смысле?

АННА ИВАНОВНА. Старая как мир история. Хочет, чтобы он с твоей матерью разошелся, а с ней сошелся. Влюбившись в него понарошку.

ЛЮБА. В папу? Влюбилась? Она? Бабура, ты шутишь!

ЭММА. Нет, всё серьёзно. Твой папа полюбил меня.

ЛЮБА. Полюбил? Вас? Мой папа?

ЖЕНЯ. (суетливо начинает собираться) Завтра приеду и поговорим.

ЛЮБА. Завтра приедешь? К нам? Поговорить? Да кто ты мне завтра будешь? Гость? Сам подумай!

ЭММА. Не надо столько эмоций, Люба! На занятиях я всегда говорю девочкам - не надо настраиваться, что вы выходите замуж на всю жизнь!

ЛЮБА. Да не собираюсь я у вас ничему учиться! У меня родители живы!

ЭММА. Я люблю твоего папу!

ЛЮБА. А я люблю...ну как его? Этого? Майка Джексона! Но я же в семью к нему не лезу! Мама! Давай её поколотим!

ВЕРА. Папа делает так, как считает для себя лучше.

ЛЮБА. Да мало ли что ему лучше! А ты? А бабушка? А Надька? А я?

ЭММА. Люба, папа не виноват, что полюбил другую женщину. Папа не бросает тебя! Он не бросает бабушку. И Надю не бросает. Он всех вас любит.

ЛЮБА. Да, папа? Ты бросаешь только маму? Это, конечно, пустяки. А мы все сейчас построимся и за тобой! Ладно?

ВЕРА. (Жене) Тебе скомандовали идти?! Ну и вали! Чего здесь хорошего по сравнению с Испанией?!

ЭММА. Вера, мы с Женей завтра приедем и всё обсудим спокойно.

ВЕРА. Уходи и уводи! Всё, Женя, всё!

ЛЮБА. (Жене) Только попробуй - уйди! (выскакивает на балкон) Я выброшусь! Честное слово - выброшусь!

ВЕРА. Любочка!

ЛЮБА. Не подходить! Все предатели!

ЭММА. Люба, прекрати немедленно этот спектакль! У папы - сердце!

ЛЮБА. А эта пусть сейчас же убирается отсюда! Одна!!! Считаю до трёх! Никто ко мне не подходить! Я теперь из одного самолюбия прыгну!

АННА ИВАНОВНА. Любка! Седьмой этаж! Разобьёшься! Не выкаблучивайся! Тебе не на что надеяться, если прыгнешь!

ЛЮБА. Здоровьем бабули клянусь- прыгну!

АННА ИВАНОВНА. Здрассти! А моё здоровье при чём?

ЖЕНЯ. (остервенело) Уйди с балкона!!!

ЛЮБА. Не приближаться!

АННА ИВАНОВНА. Отцу сердце рвёшь! Хорошо это?

ЛЮБА. Считаю до трёх. Раз!

ВЕРА. Доченька!

ЛЮБА. (перекидывает ногу через перила) Два! Лучше пусть убирается!

ЭММА. Это шантаж! Не поддавайся, Женя! Она ни за что не прыгнет!

ЛЮБА. Три! Я прыгаю, папочка! И посмотрю - как у тебя с этой после сложатся отношения!

Из тёмного угла балкона неожиданно выскакивает позабытый всеми Кеша и перехватывает Любу.

ЛЮБА. (верещит) А-ааа! Кто это? Спасите!!!

АННА ИВАНОВНА. Грек! Дай ему Бог здоровья! Держи её, бессовестную!

ЛЮБА. (вырывается) Пусти, идиот! Откуда ты взялся?!

Вера хватает Любу и тащит в комнату.

ВЕРА. Доченька, доченька...

ЛЮБА. (ей удаётся пнуть Кешу ногой) Кретин! Чего полез ко мне? Кто он такой, вообще?!

КЕША. Иннокентий. Очень приятно. По-гречески - Невинный.

ЛЮБА. (сильно пихает Кешу) Кто тебя вообще чего-то спрашивает? Что у вас тут вообще творится? С ума все посходили?!

ЖЕНЯ. Эмма, иди! Я позвоню завтра.

ЭММА. Второй месяц слышу - завтра. Если не вырвемся сейчас, то уже - никогда. Они всегда будут висеть на тебе! Да стряхни же их всех! Давай переступим это вместе и будем

счастливы! Это же всего один раз переступить и всё!!!

СТАРИК. (трогает Эмму за локоть) По-моему, мы с вами злоупотребляем! Давайте и вы, и я, отложим наши дела до завтра. Хозяева уже, наверное, хотят спать.

ЭММА. (резко отталкивает Старика) Да не лезьте вы к живым!!! Ищите свой вчерашний день! Кому вы вообще нужны? А всё из-за вас! Вы просто умереть забыли!

АННА ИВАНОВНА. А вот это верно, что спать пора! Донеси меня, Крошечка, до постели!

ЖЕНЯ. Спать ей приспичило!

АННА ИВАНОВНА. Имею право! Второй час ночи! Я устала, Крошечка!

Женя доносит её до постели. Укладывает. Вера помогает снять халат. Старик тем временем незаметно покидает квартиру.

ЛЮБА. (Кеше) Не стой около меня! Что тебе тут надо?

АННА ИВАНОВНА. Весь день крик! Он отрекомендовался твоим кавалером, между прочим!

ЛЮБА. Отрекомендовался? Я его в первый раз вижу! И в последний!

ЭММА. Женя, очнись! Не надо размена! Не надо ничего! Только уйдём сейчас отсюда! И осенью будем в Испании!

АННА ИВАНОВНА. Теперь эта кричит! Женя, поправь мне подушку!

ЭММА. Женя! Я к тебе обращаюсь!

ЖЕНЯ. Видишь, какая обстановка? Завтра! Всё будет хорошо, но завтра!

АННА ИВАНОВНА. Я конечно никогда ни во что не вмешиваюсь, но давно интересуюсь.

С какой стати у неё ключи от нас? Пусть вернёт! Мало ли что! Зачем наши ключи чужому человеку?

ЭММА. (швыряет Жене под ноги ключи) Тряпка!!! (быстро уходит)

ПАУЗА.

ВЕРА. (как ни в чём не бывало, Любе) А этот молодой человек хотел тебя видеть! Вот мы с папой его и пригласили!

ЛЮБА. Он? Меня?

КЕША. Нет, не вас, конечно! Я разыскивал Любу.

ЛЮБА. Люба - это я. Мог бы уже сообразить!

КЕША. Вы ошибаетесь. Люба - это не вы!

ВЕРА. Он рассказал, что вы познакомились на улице, поздно вечером, в темноте.

ЛЮБА. Какой вечер? Какая улица? Вы меня после восьми сроду из дома не выпускаете!

КЕША. Это была не она.

ВЕРА. Но адрес-то наш!

ЛЮБА. Та-ак. Длинная кобыла в прыщах?

КЕША. Высокая, стройная, вот с такими волосами.

ЛЮБА. При свете видел бы - описал иначе! (набирает номер, говорит в трубку) Воронцова! Проснись, тварь, припомни свои кретинские штучки! Приходи и забирай его! Я тебя вычислила. Спасибо. Не нуждаюсь! Он очень тебе подходит! Не упускай! Полтора метра роста и во всём совковом. Лимита.

ВЕРА. (нажимает на рычаг) И неправда! И стыдно! Неужели я до этого дожила?

КЕША. На самом деле правда. Живу в общежитии. Тут рядом, через дорогу. Мне у вас очень понравилось. Спасибо за всё. Пойду.

ВЕРА. Посидите ещё! Вам же недолго добираться! Те более, вы на мотоцикле! Я бы вас и ночевать оставила, но буквально некуда положить.

АННА ИВАНОВНА. Новое дело - ночевать! Зачем же крайности? Женя только что читал - один ночью семерых зарезал.

КЕША. Об этом вы не беспокойтесь. Я пойду. Спасибо.

ВЕРА. Поешьте хоть!

ЛЮБА. Мамура, не надоело космос отапливать?

ЖЕНЯ. (Любе) Куда ему в самом деле тащиться? Дождь!

АННА ИВАНОВНА. Поздравляю! Мыть меня обещали!

ВЕРА. Помню. Прекрасно помню.!

АННА ИВАНОВНА. Поздно!

ВЕРА. Совсем не поздно! Вот только мужчин покормлю!

ЖЕНЯ. Я в дупель голодный. Этой едой из коробочек не наедаюсь.

ВЕРА. И опять мама права! Пригодился обед! Я погрею. И ты, Люба, поешь!

ЛЮБА. И про меня вспомнили! Что значит дом родной!

АННА ИВАНОВНА. Не воображай о себе! Никто тебя не пугается!

ЛЮБА. Спокойной ночи! И прошу меня не беспокоить!

АННА ИВАНОВНА. Герцогиня какая! Не беспокоить её!

Люба уходит в "девичью", плотно закрывает дверь, гасит лампу и в темноте переодевается.

Вера в кухне разогревает обед. Анна Ивановна, похоже, задремала. Кеша в нерешимости мается - уйти или остаться. Женя крутится у телефона, но не звонит - стесняется Кеши, а, может быть, по другой причине. Люба ложится в постель.

ВЕРА. (из кухни) Подаю суп! Приготовьтесь!

Женя нерешительно стучит в комнату Любы.

ЛЮБА. (неистово) Я сплю.

ЖЕНЯ. Мы только столик заберём. (Кеше) Помоги!

Заходят, берут в темноте журнальный столик.

ЖЕНЯ. (Любе) К тебе человек пришёл, между прочим.

ЛЮБА. К Воронцовой, а не ко мне!

КЕША. Уверяю вас, я разочаровался в ней после её поступка. Между нами всё кончено.

ЛЮБА. А мои поступки вам больше нравятся?

КЕША. Вас я понять могу.

ЛЮБА. Вы вообще всех можете понять! И все вам нравятся!

КЕША. Вы проницательны. Мне действительно всё нравится в вашем доме.

ЛЮБА. Надеюсь, вы не собираетесь тут поселиться?

ЖЕНЯ. Кончай хамить! Не самая главная! И куда "Жизнь животных" подевалась? Или обойдёмся?

Выносят и ставят столик. Грязную чайную посуду перемещают на подоконник.

ЖЕНЯ. Всю жизнь среди баб! Так мечтал о сыне.

ВЕРА. (приносит кастрюлю, тарелки) Мама! Вас покормить?

АННА ИВАНОВНА. Все на местах?

ВЕРА. Все!

АННА ИВАНОВНА. Тогда не обращайтесь на меня внимания! Мыться лучше на пустой желудок.

ВЕРА. (Кеше) Садитесь! У нас без удобств.

Мужчины едят.

ВЕРА. (подходит к "девичьей") Люба! (некоторое время ждёт и со вздохом отходит)

КЕША. Очень вкусно. Я не привык к домашнему питанию. Употребляю его только в гостях. А кто меня приглашает? Никто!

ВЕРА. Мы приглашаем! Мы вообще гостей любим, если вы обратили внимание.

КЕША. Я обратил. Очень вкусно.

АННА ИВАНОВНА. Человеком пренебрегли. Мучеником.

ЖЕНЯ. Старый дурак он!

АННА ИВАНОВНА. Бывают умные мученики, бывают глупые мученики. Мать-покойница завещала мне чтить всех!

ВЕРА. Я обзвоню гостиницы и разыщу. Не так сложно. Прямо сейчас и начну. (садится к телефону) А потом буду вас купать. (в трубку) Гостиница? Извините, что разбудила!

Помогите нам! Мы разыскиваем Платона Тимофеевича Дёгтева! Он ровесник века, понимаете? Как какого? Нашего века! Да, такой СТАРИК. Жду!

АННА ИВАНОВНА. Крошечка, а ты чего молчишь?

ЖЕНЯ. А что ты мне предлагаешь говорить?

АННА ИВАНОВНА. Ну хоть суп похвали!

ЖЕНЯ. Суп как суп. Обыкновенный.

Длинный звонок. Все замерли.

АННА ИВАНОВНА. Неужели вернулся? Странно!

ВЕРА. Вернулась!!!

Из своей комнаты в ночнушке выскакивает Люба с чугунным утюгом в руке и бежит к входной двери.

АННА ИВАНОВНА. Любка-то - наша порода! Беги, Грек, снова на тебя одна надежда!

Кеша бежит за Любой.

ВЕРА. (в трубку) Ой, минуточку! Я перезвоню. (бросает трубку и бежит за детьми)

ЖЕНЯ. (громко) Любка, прекрати!

Люба открывает дверь и замахивается утюгом. Кеша успевает сзади перехватить её руку с утюгом.

ЛЮБА. (Кеше) Ты чего всё время лезешь в мои дела, придурок?!

ЛЕБЕДЕВА. (В дверях) Отпустите девушку! Я сама с ней справлюсь.

ВЕРА. Кто? Кто пришёл?

КЕША. Девушка. Мокрая.

Лебедева втягивает в квартиру коляску.

КЕША. И с мокрой коляской! (Лебедевой) А у вас в коляске ребёночек?

ЛЕБЕДЕВА. Картошка! (Кеше) Коляску - на балкон! А то проснётся. Тогда - финиш. (бросается Вере на шею) Верочка Николаевна, миленькая, любименькая, самая драгоценная на свете!

Кеша увозит коляску.

ЛЕБЕДЕВА. Вот чего моя мать творит! Выношу я часа два назад ведро и стыкнулась с соседкой около мусорника. Стали болтать то сё. И она спрашивает - чего это тебя по судам затаскали? Носят повестки, носят... Я к матери!

ВЕРА. Да ты проходи! Я тебя в сухое переодену. Горячего чаю дам.

ЛЕБЕДЕВА. К матери!

Кеша вкатывает коляску в комнату.

ЖЕНЯ. (индифферентно) А это куда?

КЕША. На балкон.

ЖЕНЯ. А внутри есть чего?

КЕША. В век не угадаете!

АННА ИВАНОВНА. Не дай Бог - ребёнок! Опять какая-нибудь паника начнётся и вообще у нас останется!

Кеша завозит коляску на балкон.

В коридоре.

ЛЕБЕДЕВА. Мать за повестки расписывалась и прятала. А?! Нормально это?! Верочка Николаевна, простите вы меня, простите!

ВЕРА. Лебедева, как похорошела! Тебе рожать на пользу! Ну, проходи, проходи!

В комнате.

ВЕРА. Покажи ребёночка-то!

ЛЕБЕДЕВА. Насмотритесь ещё на это добро! Его лучше вообще лишний раз не трогать!

ВЕРА. (обнимает Любу, гордо) А вот мой ребёночек! Тоже лучше не трогать!

ЛЕБЕДЕВА. Они все сейчас такие! Из нас верёвки вьют.

КЕША. (выходит с балкона) А я посмотрел всё-таки. Очень красивый! Вылитая вы!

ВЕРА. Поздравляю от души! Как назвала?

ЛЕБЕДЕВА. Евгений. И обратите внимание- именно в честь вашего мужа. А не совпадение!

ЛЮБА. Ну, папура, ну... (Лебедевой) А почему бы вам не назвать сына в честь вашего

мужа?

ЛЕБЕДЕВА. Ой, а вы подумали, что у меня муж есть? Спасибо.

ЛЮБА. Ну, назвали бы в честь отца вашего ребёнка!

ЛЕБЕДЕВА. Даже если б знала, кто отец, всё равно в честь не назвала! У меня в принципе такого приличного парня никогда не было, чтоб в честь назвать. Если бы девочка родилась, я бы прямо Верой Николаевной назвала. Ну а раз мальчик, то и думать нечего- Евгений.

Тоже как бы в честь Веры Николаевны.

АННА ИВАНОВНА. Что у нас такое оживление среди ночи?!

ВЕРА. (Лебедевой) Подойди!

Лебедева подходит к постели Анны Ивановны.

АННА ИВАНОВНА. (внимательно поглядела на неё) Родила, значит. Куда ты годишься?

Дай Бог тебе терпения! (крестит её) Находится хоть на тебя какой-никакой, но порядочный человек?

ЛЕБЕДЕВА. Да куда мне замуж? Мне ещё семнадцати нет! Я ещё и не нагулялась!

АННА ИВАНОВНА. Так держать! Храбрись всегда! Господи, благослови её!

ЛЕБЕДЕВА. Спасибо. (быстро наклоняется и целует руку Анны Ивановны)

ВЕРА. Чай пить, чай! Вотними свою кофточку, а мою- накинь. Нельзя мокрой ходить.

Грудь застудишь.

ЛЕБЕДЕВА. Ой, да мне неудобно! Что ночь и вообще.

ЛЮБА. Неужели неудобно? Я растрогана до слёз.

ЛЕБЕДЕВА. Конечно. У вас и кроме меня наверное дела есть. А мне ещё домой собираться. Это я погорячилась. Ночью-то к вам! Мать небось психует.

КЕША. Подбросить? У меня мотоцикл.

ЛЕБЕДЕВА. (внимательно рассматривает Кешу) Подбросить, говоришь? (Любе) А ты как на это? Сама-то?

ЛЮБА. Никак! А с чего бы?!

ЛЕБЕДЕВА. Парень-то твой!

ЛЮБА. Его мои родители без меня подобрали!

ЛЕБЕДЕВА. Вообще-то я на него ещё в дверях глаз положила. Смотри - совсем уведу.

ЛЮБА. Сколько слов! И о ком?!

ЛЕБЕДЕВА. Так он ничей?

ЛЮБА. Я, лично, во всяком случае, не претендую.

ЛЕБЕДЕВА. (Кеше) Вези!

ВЕРА. Ты, Лебедева, как вихрь. Прилетела, нашумела... Приходи в гости нормально.

ЛЕБЕДЕВА. Это будьте спокойны. Меня два раза приглашать не надо!

Кеша и Лебедева уходят. Вера провожает их.

АННА ИВАНОВНА. Неужели хоть ночью покой будет? От гостей две радости - когда приходят и когда уходят.

ЖЕНЯ. Я лягу. Что-то очень устал.

ЛЮБА. Ну и тварь же эта Лебедева!!!

АННА ИВАНОВНА. Не сочиняй! Сама трижды от него отреклась.

ЖЕНЯ. (неуверенно обнимает Любу) Не зевай! Женщины народ такой!

ЛЮБА. (всхлипывает) Завидно. И ребёнок у неё, и теперь парень есть. (тихонько высвобождается из объятий отца, с кротким видом целует Анну Ивановну и Веру и уходит к себе)

ВЕРА. Во тебе и на! А я обзвоню гостиницы!

ЖЕНЯ. (открывает дверь в изолированную комнату) Сколько всего за жизнь набралось. Пока в отпуске - надо разобраться. Что-то выкинуть, а что-то водворить на почётные места.

ВЕРА. (в трубку) Гостиница? Девушка, извините, что разбудила. У меня просьба к вам. Я подожду. Ну что вы?... Спасибо! (ждёт у телефона)

Сначала тихонько, а потом всё громче плачет ребёнок.

ЖЕНЯ. (возвращается в большую комнату) Слышите - кошки орут! Не дадут уснуть!

ЛЮБА. (с хохотом вылетает из своей комнаты) Лебедева на балконе ребёнка забыла!!!

ЖЕНЯ. Очень смешно!

Вера бросает трубку, бежит на балкон и выкатывает оттуда коляску с ребёнком.

ВЕРА. Ребёнок - это ничего страшного. Просто его надо покормить.

ЖЕНЯ. Чьей грудью?

ВЕРА. Можно компотом. (отдаёт ребёнка Жене) Подержи! Я подогрею компот. (убегает на кухню)

ЖЕНЯ. (покачивает ребёнка, очень нежно) Тихо, тихо, крестник!

АННА ИВАНОВНА. Интересно, когда Лебедева вспомнит про своего ребёнка?!

ЛЮБА. Лет через пятнадцать! (хохочет) Да посмотрите же на папуру! Я горжусь тобой, папура!

АННА ИВАНОВНА. (смеётся) Выражаю тебе, Крошечка, соболезнования.

ЖЕНЯ. Гули-гули-гули, очень весёлый отпуск! Гули-гули-гули-гули, успокойся, маленький, всё пройдёт.

Ребёнок смолкает. Входит Вера с чашкой и ложечкой. Пытается кормить ребёнка.

ВЕРА. Вот и всё прекрасно! Мы кушаем! Какое умненькое личико! (Жене) Ты обратил внимание? Исключительно умненькое личико!

ЖЕНЯ. Энергичный парень. В этой жизни выстоит.

ВЕРА. Сейчас, сейчас, скоро отдохнёшь, Женечка.

ЖЕНЯ. Ерунда. Я же в отпуске. Могу спать сколько хочу.

ВЕРА. Под лопаткой не жжёт?

ЖЕНЯ. Нет. Сам удивляюсь.

ВЕРА. Сейчас накушаем и перестанем плакать. А ты, Любочка, отдыхай! Маленький уснёт. Я его искупаю, и он уснёт. Тоже ведь устал. Он же маленький. Это надо понимать. (Анне Ивановне) А потом обзвоню гостиницы. А с утра вас выкупаю. И ещё раз маленького. Деток надо часто купать. Всё хорошо. Вот Женечка и успокоился. Он понял, что все его любят. И все ему рады. Все рады!

АННА ИВАНОВНА. Пока все живы и все любят - можно надеяться на просвет. Будет просвет, будет. Я жизнь прожила и знаю - просвет будет. Главное - не падать духом!

КОНЕЦ

Внимание: публичное исполнение пьесы только с письменного согласия автора.